

Э.КЭНТОН

АВРЕЛИЯ

Женские лики – символы веков

Э. КЭНТОН

Аврелия

«Public Domain»

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Кэнтон Э.

Аврелия / Э. Кэнтон — «Public Domain», — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-03258-5

Роман «Аврелия», публикуемый в данном издании, принадлежит перу талантливого и несправедливо забытого в наше время английского литератора Э. Кэнтон. Описываемые в нем события относятся к первому веку христианства. Главная героиня романа – легендарная Аврелия, блистательная юная патрицианка великого Рима, жившая в эпоху заката империи, во времена наиболее жестоких христианских гонений. Чувство справедливости и душевное благородство заставляет эту изнеженную аристократку прийти на помощь гонимым сторонникам христианства, тем самым ввергая их в водоворот драматических событий того времени, когда фанатичное язычество всеми силами стремилось уничтожить ростки новой веры.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-486-03258-5

© Кэнтон Э.

© Public Domain

Содержание

Часть первая	5
I. Рим в 91 году	5
II. День доносчика	6
III. Воспитанница и опекун	13
IV. Невольничий рынок	18
V. Первые светочи	23
VI. Апостол Павел и Сенека	25
VII. Свет во тьме	29
Часть вторая	34
I. Сватовство могильщика	34
II. Грот в Либитинском лесу	41
III. Христианское обручение	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Э. Кэнтон Аврелия

Часть первая Доносчик

I. Рим в 91 году

В 844 году от своего основания, или в 91 году нашей эры, Рим томился под суровой и кровавой тиранией императора Домициана.

Римский народ, гордившийся некогда своей свободой, должен был горько раскаяться, отдав себя во власть правителей вроде свирепого Калигулы, бездарного Клавдия или жестокого и бесчеловечного Нерона. В течение более пятидесяти лет, следовавших после царствования Августа, не было тех унижений и оскорблений, которым не подвергались бы от своих кесарей гордые победители мира. Смятение, ужас и страх за собственное существование стали повседневными, обычными условиями жизни римских граждан.

Правда, с восшествием на престол Веспасиана и затем его старшего сына Тита наступила некоторая передышка в этих тяжких испытаниях, но двенадцать лет сравнительного затишья и покоя пронеслись с быстротой сновидений, а с воцарением Домициана настала пора новых бедствий, составляющая одну из наиболее мрачных страниц римской истории.

В описываемое время, соответствующее десятому году царствования Домициана, Рим в достаточной степени испытал на себе все ужасы неукротимой деспотии этого цезаря. Многочисленные и совершенно беспричинные ссылки и изгнания, направленные против именитейших граждан, явные и тайные убийства и насилия составляли обычное явление.

Однако в 844 году Рим пользовался сравнительным покоем. Происходило это не оттого, что кровожадные инстинкты Домициана сделались от времени более умеренными; равным образом и не оттого, что он таким путем пожелал привлечь к себе некоторое расположение граждан; нет, он покинул на несколько месяцев Рим, чтобы лично закончить войну, которую давно и безуспешно его военачальники вели против дакийцев. Однако если рука отсутствующего Домициана не тяготела над громадным городом, то это не значило, что положение вещей значительно улучшилось. Опасность была, может быть, менее ощутимой, но она все же висела над головой каждого.

Император отсутствовал, но в городе оставалось много негодяев, которые служили орудиями его тирании и были обычными исполнителями его злодеяний. Толпа доносчиков соперничала в ловкости и дерзости, чтобы дать пищу алчности и ненависти, одинаково ненасытным у властителя мира.

Пламенное усердие этих угодливых исполнителей деспотизма цезаря поддерживалось не только раболепней угодливостью их перед повелителем, но и своекорыстными соображениями и целями. С ловкостью и неутомимостью ищущих они вынюхивали малейшие признаки, чтобы построить на основании них тягчайшие обвинения. Проницательность этих сыщиков была так велика, что казалось, будто они способны проникать в самую совесть и сердце людей. И все это делалось для того, чтобы подавить вздох о свободе и чтобы, по сильному выражению Тацита, зарегистрировать даже все вздохи и слезы.

II. День доносчика

Канун июльских ид¹ 844 года...

Тонкая полоска тени на солнечных часах форума показывала полдень, когда какой-то человек, выйдя из базилики Юлия, остановился на несколько минут перед ее перистилем, наполненным шумной толпой народа.

Причиной наплыва громадной толпы к месту обычного заседания ста мужей служило то обстоятельство, что на этот раз в базилике Юлия собрался в виде исключения верховный суд по взысканию убытков. Уже в течение нескольких дней здесь разбиралось громкое дело, возбуждавшее горячие толки и споры. Два знаменитых оратора соперничали друг с другом в блеске и убедительности своих речей.

Внешность и манеры гражданина, который только что оставил зал заседаний и на некоторое время задержался в толпе, показывали, что он принимал самое близкое участие в процессе. На нем была пурпурная тога, по обычаю тех ораторов, которые старались возбудить к себе со стороны судей сочувствие. С этой же, без сомнения, целью широкая повязка закрывала всю левую часть его лица. Однако по тому презрению и даже угрожающим жестам, с которыми встретила его толпа, можно было догадаться, что симпатии были не на его стороне. Враждебное настроение окружающих стало его несколько беспокоить, и он готов уже был выбраться из толпы, когда вблизи послышались чьи-то глубокие вздохи, стенания и проклятия.

Эти вздохи исходили из уст старика, вся внешность которого свидетельствовала об его ужасном отчаянии.

Несчастный старик, так же как и человек в повязке и в пурпурной тоге, только что покинул зал заседаний. Но он вышел оттуда, раздирая одежды и вырывая свои седые, усыпанные пеплом волосы. Это достаточно показывало, что приговор произнесен не в его пользу и что он коснулся самых дорогих и священных его интересов.

Его сопровождал защитник, еще молодой человек, черты лица которого свидетельствовали о благородстве его натуры. Напрасно он пытался найти слова утешения для своего убитого горем клиента: тот громко выражал свои жалобы на несправедливость людей и на суровость богов.

Человек в повязке сделал было попытку ускользнуть от встречи с плачущим стариком, но, не будучи в силах пробраться сквозь толпу, решил поступить как раз наоборот. С восторженным видом он подошел к старику и, схватив за руку сопровождавшего его защитника, воскликнул:

– Дорогой Плиний! Позволь мне поздравить тебя, несмотря на твою неудачу. Твоя речь в защиту клиента была лучшей из всех, слышанных мною в течение всей моей жизни. Клянусь Аполлоном, ты превзошел самого Цицерона! Неудивительно, однако, что дело тобой проиграно: я получил благоприятные предзнаменования.

Плиний Младший, на этот раз «превзошедший Цицерона» разве только тем, что проиграл дело, поспешно отдернул свою руку и, презрительным взглядом смерив противника, отвернулся в сторону.

– Несчастный Цецилий! – продолжал между тем торжествующий победитель, обращаясь к старику и придавая своему лицу выражение живого сочувствия. – Отчего ты не согласился на сделку, которую я тебе только что предлагал? Ты бы...

Но он не мог договорить. Железная рука уже схватила его за горло и сдавила с такой силой, какую нельзя было предположить в руке слабого, разбитого горем старца. Еще мгнове-

¹ Иды – у римлян тринадцатый день месяца, а в марте, мае, июне и июле – пятнадцатый; эти дни посвящались Юпитеру.

ние – и, потеряв равновесие, он покатился со ступеньки на ступеньку к пьедесталу одной из статуй двенадцати великих богов, которые украшали перистиль базилики Юлия.

Восхищенная толпа одобрила старика громом рукоплесканий и радостными криками, осыпая его противника шиканьем и насмешками. А Плиний, огорченный неудачей настолько, что не мог даже позлорадствовать, поспешил скрыться.

Гражданин, сброшенный со ступенек базилики Юлия, поднялся с проворством человека, сделавшего легкий прыжок. Стараясь казаться бодрым и проворным, он не мог, однако же, скрыть злости, которой запыхало его лицо.

– Клянусь всеми богами ада и всеми фуриями, что я отомщу тебе, проклятый старик! – воскликнул несчастный, едва держась на ногах.

После нескольких минут размышления он поспешно направился к невысокому зданию, которое примыкало к храму Сатурна, расположенному, как и базилика Юлия, на форуме. Это здание было известно под именем народного архива, который служил местом для хранения актов и протоколов гражданского ведомства.

Придя в присутственное место, незнакомец потребовал свидетельство о рождении молодой девицы, которую он назвал Цецилией, и, обращаясь к чиновнику, поспешившему развернуть этот документ перед его глазами, сказал:

– Дополни акт припиской, что по состоявшемуся сегодня постановлению суда рекуператоров² Цецилия, родившаяся от законных родителей, римского гражданина Цецилия Басса и покойной Теренции Пакувии, признана собственностью торговца невольниками Парменона. Вот заключение суда...

И он сунул в руку чиновника пакет, которым заботливо запасся, прежде чем покинуть преторию.

Но вместо того чтобы уйти из архива и направиться домой, он вошел во внутренний потайной коридор, который вывел его вскоре в другие присутствия, несомненно более важные, чем те, о которых мы только что упомянули, и где царила кипучая деятельность.

Это были казнохранилища республики и кесаря. Они занимали пристройки в ограде храма Сатурна. Если верно, что Веспасиан по восшествии на престол исчислил государственные расходы в ужасающей сумме двух миллиардов пятисот тридцати миллионов сестерций,³ то нетрудно вообразить, какое зрелище должны были представлять эти места, куда стекалось золото и серебро со всей вселенной.

Было бы весьма интересно окинуть взором все это движение, хотя бы для того, чтобы всмотреться в выражение лиц, непрерывно следовавших для уплаты своих податей, и обрисовать характерную, не менее любопытную наружность чиновников, которые получали деньги и заносили в роспись: ничто не ново под луною, и, как в древности, так и в наши дня, печаль уплаты и радость получки представляли очень резкую противоположность.

Но у нас не хватило бы времени для таких деталей. Мы следим за человеком, которого не должны покидать из виду ни на одну минуту.

Он идет весьма быстро и, несмотря на то, что его ухо прислушивается к звуку драгоценного металла и взор его загорается огнем алчности, не устаивает вниманием весовщиков, или официальных контролеров, грубой и несовершенной монеты этой эпохи. Не без волнения мы сопровождаем его до того гражданина, которого он быстро различил среди толпы и отвел в сторону, чтобы обратиться к нему со следующим вопросом:

– Ну, дорогой Палфурий, какая сумма заготовлена для вручения нашему милостивому и всемогущему повелителю, императору Домициану, после отбытия его из Рима? Сделал ли ты расчет, о котором я просил тебя?

² Суд по возврату убытков.

³ Сестерций – римская серебряная монета, равная 1/2 динария, равная 2 1/4 ассам (от 4 до 7 к.).

– О конечно! И сумма весьма значительная. Пятнадцать миллионов сестерций – вот что дали императору завещания в течение шести месяцев.

– И тебе не стыдно, Палфурий, говорить о такой жалкой сумме! Божественный Домициан будет негодовать за твое нерадение.

– Но, – возразил живо Палфурий, – весьма снизилась смертность в Риме с некоторого времени, и весьма небольшое число открыто завещаний. Армилат, с которым я недавно беседовал по этому делу, объявляет уменьшение сбора слишком благоприятными атмосферными условиями, вот, – прибавил он, повертываясь в сторону, откуда исходил свет, – вот солнце обещает нам палящий зной, и болезни нам помогут показать, что наше усердие к императору не ослабело.

– Армилат и ты, Палфурий, не более как глупцы! – воскликнул незнакомец тоном, который показывал, как мало стеснялся он в выражениях по отношению к человеку с таким положением, какое занимал Палфурий. – Я вам повторяю, что эта сумма недостаточна, а ссылка в виде оправдания на атмосферные условия и на отсутствие болезней смешна. Подумайте о том, что император Август получил в дар от своих друзей четыре миллиарда сестерций, что сестерция имела в то время большую ценность, чем теперь, и что, следовательно, вы никогда не достигнете и четвертой части этой цифры, если несчастная сумма в пятнадцать миллионов сестерций за шесть месяцев вам представляется значительной. Или вы полагаете, что император Домициан меньше заслуживает вашего усердия, чем Август?

Эти слова были произнесены так внушительно и грозно, что Палфурий опустил глаза и предпочел ничего не отвечать в свое оправдание.

– А собрал ты какие-нибудь сведения относительно Флавия Климента и его жены Флавии Домициллы? – продолжал допрашивать незнакомец. – Известно ли тебе, что распространился слух, будто они предались новому суевию? Флавий Климент страшно богат, и если бы он на самом деле оказался христианином, то это могло бы послужить довольно простым средством, чтобы пополнить недочет, на который я тебе только что указывал.

Несчастный Палфурий, казалось, был потрясен этим новым вопросом еще более, чем первым. Тем не менее он ответил:

– Флавий Климент – двоюродный брат императора, а Флавия Домицилла – его собственная племянница. Двое из их сыновей получили от нашего августейшего повелителя имена Веспасиан и Домициан, потому что кесарь готовит их к управлению царством... Как же желаешь ты, чтобы были схвачены лица, которые находятся в таком близком родстве с императором и только что получили от него знаки благоволения?... Берегись: это дело весьма опасно, и ты, кажется, недостаточно его обдумал.

– Итак, – сказал незнакомец, ударяя на каждом слове, – ты и Армилат отказываетесь от возложенных обязанностей. А не вам ли, как консулам, наиболее удобно начать дело... имея возможность легко проникнуть в тайну, которая беспокоит императора? Что, если он будет осведомлен другими? Право же, дорогой Палфурий, ты не дорожишь своими интересами!

И, не прибавив ни одного слова к этому угрожающему замечанию, не дожидаясь ответа, незнакомец тотчас же оставил Палфурия Суру, видимо встревоженного этим разговором.

Он поспешно прошел сквозь толпу, окружавшую пристройки храма Сатурна.

Через несколько минут он снова находился посреди форума. Эта обширная площадь, обыкновенно столь оживленная, была теперь почти совершенно пуста. Жара стояла удушливая. Солнце во всем своем блеске пронизывало палящими лучами воздух. Все граждане удалялись в свои жилища, чтобы предаться полуденному покою.

Но этот человек не чувствовал утомления. Ничто не могло его остановить. Его поддерживало и воодушевляло желание мстить, мстить и мстить... Несмотря на дневной зной, он прошел вдоль всего форума. В конце площади он взял направление от форума Марса к Ратушенским воротам, пройдя через которые направился по широкой улице к цирку Фламиния.

Направо от него находилось одно из самых древних зданий в Риме. Это было место народных собраний, где римляне оказывали гостеприимство посланникам народов, не состоявших в числе их союзников. Они не хотели, чтобы «варвары» проникли в самый *urbis tertium*. Только представителей дружественного народа они вводили в священный город, и республика принимала их с пышностью в Грекостазисе⁴ – роскошном доме, расположенном в центре форума.

Место народных собраний, как и большая часть сооружений древнего Рима, было окружено великолепными портиками. Здесь в тавернах, устроенных между проходами и галереями, помещались продавцы рабов и лошадей.

Незнакомец ударил в доску одной из таверн, наглухо закрытых по причине жары и почти полного отсутствия публики. Тотчас показался человек высокого роста, одетый в пеструю тогу, довольно сходную если не по форме, то по крайней мере по яркости и разнообразию окраски с костюмами наших ярмарочных фигляров и фокусников.

При первом взгляде на этого человека, на его грубую внешность и устрашающий вид можно было заподозрить в нем отъявленного преступника.

Подходя к порогу своей таверны, человек протер глаза и приятно зевнул. Очевидно, он был потревожен в своем приятном послеобеденном отдыхе и оттого казался недовольным. Но весь гнев, который успел накопиться в нем, исчез как по волшебству, когда он увидел того, чей внезапный стук разбудил его.

– Парменон! Цецилия в наших руках, – поторопился сказать прибывший, принимая тон господина и смотря совершенно особенным образом на того, к кому он обращался. – Да, благодаря моему красноречию отчуждение в твою пользу будет утверждено судом рекуператоров, и ты можешь прицепить к Цецилии ярлык о продаже.

– Господин, все будет исполнено по твоему приказанию.

– Отлично! Необходимо, и даже весьма необходимо, чтобы Цецилия была продана завтра же. Более того, ты должен будешь подтвердить, что она не может быть ни вольноотпущенной, ни свободной... У меня есть важные причины, чтобы эта статья договора была проведена по всей строгости... Ах! Я позабыл, цена определена в сто тысяч сестерций без одного стипса.⁵ А ты помнишь наш уговор? Две трети в мою пользу.

– Господин, не беспокойся: то, о чем условлено, будет исполнено в точности, – поспешил ответить Парменон, у которого слова незнакомца, казалось, вызвали довольно неприятные воспоминания.

Этого обещания было вполне достаточно, и, покинув место народных собраний, наш знакомый пошел к Ратуменским воротам.

Прошедши через форум мимо храма Победы, он взойшел на Палатин и направился к великолепному дому, выстроенному некогда Марком Ливием Друзом, народным трибуном. Этот дом принадлежал сначала Крассу, потом Цицерону.

Говорили, что архитектору, предложившему выстроить дом таким образом, чтобы за его стены не могли проникать нескромные взгляды, Марк ответил:

– А я бы хотел, чтобы мое жилище было из стекла, чтобы каждый видел то, что там происходит.

Это было, следовательно, одним из самых удобных мест для наблюдений, а так как интересующему нас человеку приходилось их делать много, то он должен был помнить эти слова Друза и проверить, исполнил ли зодчий его пожелания.

После принятия мер предосторожности, окинув взором пространство, лежавшее направо и налево от него, впереди и позади, и найдя положение благоприятным, – при полной тишине

⁴ *Graecostasis* – римский квартал, где жили греческие посланники и послы других наций.

⁵ *Stunc* – 1/12 часть асса или фунта меди.

незнакомец быстро перешел небольшую круглую площадь перед домом, приблизился к двери, позвонил робко в звонок и обратился к рабу-привратнику, который пришел отворить ее:

– Привет Палестриону, будущему вольноотпущеннику божественной Аврелии!

– Увы, господин, – ответил тот, низко поклонившись, – да услышит тебя Юпитер! Уже много раз ты подаешь слова надежды, но я не замечаю, чтобы мои цепи ослабевали и звенья их разбивались!

И несчастный показал свои две ноги, тесно заключенные в двойной железный обруч, прикрепленный к длинной цепи, концы которой были прикованы к стене.

– Ты напрасно, Палестрион, – возразил незнакомец, – сомневаешься в моих словах: каждый раз, как ты меня видишь, я разбиваю одно из звеньев, которые ты мне показываешь! Я даю тебе золото, средство купить себе свободу... И до сего времени я не забыл еще, что должен принять участие в несчастном Палестрионе. Возьми: вот два золотых, которые тебе принадлежат.

В то же самое время он положил в руку Палестриона две золотые монеты, которые этот последний скрыл с замечательным проворством в складках своей туники.

– Но, господин, – заметил раб, – у тебя есть причины принимать такое участие во мне, бедняге, о котором никто не думает!.. Признаюсь, что я весьма беспокоюсь, так как в этом доме, после того как ты приходишь сюда, произошло нечто необыкновенное.

– А, что же, Палестрион?... Что случилось?

– Нужно тебе сказать, господин, что наша госпожа, божественная Аврелия, вообще нежесточка по отношению к рабам. Очень редко она подвергала нас наказаниям. Она очень любила рабыню Дориду... Разве ты ее знал, господин? – спросил Палестрион, прервав свою речь, так как заметил, что при этом имени незнакомец вздрогнул.

– Почему ты интересуешься, знал ли я ее? – вопросом ответил незнакомец, спеша уничтожить на своем лице выражение удивления, обратившее на себя внимание раба. – Продолжай.

– Итак, господин, эта Дорида, одевавшая обыкновенно божественную Аврелию, по повелению нашей госпожи была раздета донага, подвешена за волосы посреди атриума и там в присутствии всех домашних и рабов была так жестока наказана розгами, что скоро испустила дух на наших глазах в жестоких мучениях.

– За что же такая пытка? – спросил незнакомец с безучастием, которое рассеяло всякие подозрения в уме Палестриона.

– О, божественная Аврелия очень огорчена смертью своей рабыни; она сказала, что замечать ее нелегко. Говорят, что она даже много пролила слез по ней, но сегодня еще утром нам повторили, что она поступит таким же образом с каждым членом семьи, который, как Дорида, откроет домашние тайны Марку Регулу. Но... господин, что с тобой?

Немало усилий потребовалось незнакомцу для восстановления в своей наружности того спокойствия, которое было глубоко потрясено. Тем не менее он достиг этого и мог ответить:

– Ничего, Палестрион... Судьба Дориды вызывает сочувствие, и я не мог удержаться, чтобы не вздохнуть... Но этот Марк Регул ужасен!

– Говорят, это величайший негодяй, какой существует только в Риме, и я подумал, что наказанию Дориды мог бы и я подвергнуться, если бы... по несчастью... тот, кого я не знал и который приходит расспрашивать меня, был...

– Благодарю, Палестрион, за сравнение, которым ты удостоил меня!.. Но благодаря богам мои вопросы не заключают в себе ничего, что могло бы сделать тебе неприятность и заставить тебя бояться наказания.

– Это правда, господин! Ты, надеюсь, простишь бедному рабу, который дрожит и не хочет тебя обидеть... так как ты не Марк Регул, не правда ли?... А впрочем, я посмотрю, могу ли я отвечать на твои расспросы.

– Они будут совершенно просты и полны расположения к благородному дому твоей августейшей госпожи... Наша великая весталка, знаменитейшая Корнелия, чувствует себя лучше? В состоянии ли она вновь возложить на себя свои высокие и светлые обязанности?

– Нет, господин, здоровье великой весталки плохо. Божественная Аврелия, несмотря на свои заботы, не могла добиться того, чтобы она забыла наказание, которому подверг ее Гельвеций Агриппа, главный жрец, и мысль об этом позоре замедляет, говорят, ее выздоровление.

– А твоя госпожа, божественная Аврелия, принимает Метелла Целера?

Этот вопрос показался Палестриону опасным, и он не дал никакого ответа. На его лицо легла тень подозрительности, которую незнакомец поспешил развеять, прибавив равнодушно:

– Я ошибаюсь, не о Метелле Целере я хочу говорить, но о Флавии Клименте и о об обеих Флавиях Домициллах. Мне сказали, что твоя госпожа перестала видаться с ними. Правда ли это? Ведь они близкие родственники?

– О да, но есть причины.

– Должно быть, важные?

– Утверждают, что Флавий Климент и обе Флавии... как бы выразиться?... Ах да... они заодно с евреями у Капенских ворот.

– То есть они христиане?

– Да, христиане, верно!.. Они желали бы, чтобы и моя госпожа, божественная Аврелия, которая приходится им племянницей, была такой же христианкой, но она им отказала... и даже добавила, что будет вынуждена прекратить знакомство.

В этот момент в атриуме раздался напев испанской песни, занесенной в Рим благодаря поэту Марциалу. Молодой и чистый голос напевал куплеты. Незнакомец вздрогнул при звуке этих песен и поспешил к выходу.

– До свидания, – сказал он Палестриону, – вот кто-то... я увижусь с тобой...

Но он не мог удалиться без того, чтобы молодой человек, выходявший из дома Аврелии, не заметил его на улице шагах в пятнадцати от себя. Впрочем, незнакомец обернулся сам, чтобы беглым взглядом рассмотреть лицо, прервавшее его разговор с Палестрионом.

– Клянусь Геркулесом, – воскликнул молодой человек, – я уверен, что это бесчестный Регул! Зачем приходит он в этот квартал?... Палестрион, случайно ли у тебя завелись сношения с Регулом? – спросил он, возвращаясь к привратнику, который трясся всеми своими членами.

– Нет, господин, – пробормотал несчастный, – я не знаю Регула, а впрочем, я отлично знаю, что наша божественная госпожа...

– Бездельник! Если бы я был уверен, я приказал бы исполосовать тебе шкуру, как ослу, которого ведут ночью на мельницу!.. Но, во всяком случае, важно, чтобы Корнелия и Аврелия были уведомлены о присутствии этого человека возле их жилища.

И, сказав эти слова, он вошел в дом Аврелии. Со своей стороны, Марк Регул (это был он), убегая, пробормотал с чувством глубокого удовлетворения:

– Я уверен! Я узнал его голос: это Метелл Целер! Он был в то время, когда я говорил с Палестрионом! Ах, Метелл, ты посещаешь великую весталку во время полуденного покоя!.. Отлично!.. Гельвеций Агриппа узнает об этом важном деле... и другой человек также, великий жрец Домициан... Ты у нас в руках, знаменитейшая Корнелия!

Через час Марк Регул был в своем роскошном доме за Тибром. И конечно, он имел право повторять фразу, обратившуюся в пословицу благодаря Титу: «Я не потерял мой день!» Можно в самом деле сосчитать три дурных деяния, совершенные им в этот памятный день, – выигранный процесс против Цецилии, его свидание с Палфурием Сурой и Парменоном и наведение справок об Аврелии.

Что касается Палестриона, то свидетелей его разговора с Регулом не было, и он мог бы утешить себя надеждой, что общественный палач не придет его бичевать, как Дориду. Но страх

захватывал его против воли, и в своем негодовании на шпиона несчастный бормотал сквозь зубы:

– Так это ты, Марк Регул! Ну, проклятая душа, увижусь с тобой!.. Ты сам обещал еще зайти... только покажись!..

III. Воспитанница и опекун

На другой день после того, как Марк Регул был застигнут Метеллом Целером во время разговора с Палестрионом, яркое утреннее солнце обещало жителям Рима все великолепие роскошного неба, озаряя своими жгучими лучами мрачные и узкие улицы древней столицы.

Божественная Аврелия, находившаяся еще в своем кубикюле, или в спальне, решила воспользоваться этим прекрасным днем для того, чтобы предпринять прогулку по городу и попытаться рассеять свою скуку. Поэтому, обращаясь к своим послушным невольницам, она сказала повелительным тоном:

– Я хочу отправиться к портику Помпея. Нужно сейчас же уведомить моего опекуна Вибия Криспа, чтобы он был готов.

Такое событие, как выезд матроны, было немаловажным обстоятельством. Покидая свой дом, чтобы показаться на улице, она могла это сделать не иначе, как окружив себя соответствующей своему положению свитой. О положении же, занимаемом божественной Аврелией, можно было судить потому, что при ее выходах ее свита заполняла всю улицу. Как только был отдан приказ, пятьсот рабов знатной патрицианки пришли в движение, и все древнее жилище Цицерона огласилось шумом от их приготовлений.

Однако в ожидании, пока наступит момент, назначенный для выхода, следует сказать несколько слов о том, кто такая была Аврелия, говоря о которой Марк Регул прибавлял «божественная», хотя такой титул мог казаться слишком почетным для простой смертной. Тогда станет понятным, почему главная весталка, знаменитейшая Корнелия, как утверждал и Регул, находилась в ее доме, вместо того, чтобы жить в императорском атриуме, обычном убежище Весты.

Аврелия Флавия Домицилла – она носила эти три имени, общие, впрочем, почти для всех членов фамилии Флавия, – приходилась двоюродной внучкой и в то же время правнучкой императору Веспасиану. Она происходила от брака Флавия Сабина, племянника Веспасиана, с Юлией, единственной дочерью Тита, сына Веспасиана. Кроме того, Аврелия Флавия Домицилла была племянницей Флавия Климента, родного брата ее отца Флавия Сабина.

Таким образом, Аврелия по отцу была двоюродной племянницей, а по матери двоюродной внучкой Домициана. Понятно поэтому, что в царствование Домициана, который, по свидетельству Светония, приказывал, чтобы его и в личных, и в письменных обращениях называли повелителем и богом (*dominus et deus noster*), никто не осмелился бы, говоря о родственниках императора, называть их иначе, как божественными. И если мы добавим, что Аврелия Флавия Домицилла предназначалась стать в будущем императрицей римской, то легко понять, что каждое чело должно было склониться перед этим несравненным величием и что в присутствии ее или при упоминании о ней, из уст каждого должны были слышаться слова благоговения или почтительной преданности.

Такое высокое положение было последствием недавнего указа императора Домициана, у которого не было других детей от брака с Домицией Лонгиной, кроме сына, умершего несколько месяцев тому назад. Прежде своего отъезда из Рима он назначил себе в преемники двоих сыновей Флавия Климента и Флавии Домициллы, имена которых он переименовал на имена Веспасиан и Домициан, без сомнения, не только для того, чтобы продлить воспоминание о том, кто вступлением своим на императорский престол прославил род Флавиев, некогда ничтожный и темный, но и для того, чтобы сохранить воспоминание о своем собственном величии.

Эти два молодых человека, воспитанные как цезари, были доверены самим императором знаменитому Квинтилиану для довершения их образования.

Веспасиан, старший, должен был жениться на своей молодой двоюродной сестре Аврелии и вместе с нею воссесть после смерти Домициана на престол вселенной.

Аврелия Флавия Домицилла была самой знатной патрицианкой в Риме, несмотря на то, что в описываемое время ей было всего лишь пятнадцать лет от роду.

Божественная Аврелия была круглой сиротой. Интересно перечислить те несметные богатства, единственной обладательницей которых была эта пятнадцатилетняя девушка, чтобы дать понятие о тех громадных состояниях, какие покорение всего мира сосредоточило в руках небольшой горсти патрициев.

Кроме своего дома и пятисот невольников, кроме множества великолепных вилл, расположенных в прекраснейших областях Италии, божественная Аврелия владела двумя миллиардами семьянами миллионами сестерций. Ее драгоценные камни оценивались в сорок миллионов сестерций. Один перл из ее сокровищницы имел, по свидетельству Плиния, ценность в шесть миллионов сестерций.

Этот драгоценный камень, настолько известный, что Ювенал называет его знаменитейшим алмазом, был подарен некогда Юлием Цезарем Сервилии, матери того Брута, который впоследствии его убил.

Потом этот камень блистал на пальцах Вероники, дочери царя Ирода Агриппы. Последняя, будучи отвергнута Титом, не хотела более хранить это кольцо. Покидая Рим, она оставила его на память дочери того, кого она так страстно любила, а Юлия на смертном одре передала его в руки своей кроткой Аврелии.

Годы детства протекают весьма печально, если отец и в особенности мать не окружают ребенка своей родительской любовью. Юная Аврелия испытала это на себе. Домициан первоначально хотел сделать из нее весталку; но к осуществлению своего намерения он встретил неодолимое препятствие в священных обычаях страны, которых он не мог нарушить, несмотря на все свое могущество. Дело в том, что если божественная Аврелия в эпоху, когда это намерение приходило на мысль императору, и соединяла в себе некоторые из условий, необходимых для жрицы весталки, каковыми были возраст не свыше шести лет и звание патрицианки по происхождению, то в другом отношении ее избрание представляло непреодолимое затруднение. Без сомнения, для того чтобы испытание для семьи выбранной весталки было более тягостным и, следовательно, чтобы приносимая жертва казалась более достойной, требовалось, чтобы дева, назначенная к алтарю Божественной покровительницы Рима, имела в живых обоих родителей.

Это условие было настолько существенно, что при отступлении от него верховные жрецы сами требовали освобождения от звания жрицы той девушки, которая по своему семейному положению не удовлетворяла требованиям обычая, и не было примера, чтобы их просьба была бы отклонена.

Итак, Аврелия еще в детстве лишилась своих родителей. И тем не менее, несмотря на счастливую неправопособность, освобождавшую ее от суровых обязательств ужасного обета, ее детство протекало под сенью святилища Весты. Там одна молодая девица, принадлежавшая к знаменитейшей римской фамилии, к той фамилии Корнелиев, которая дала республике Сципионов, Силлу, Цинна и т. д., настолько привязалась к юной патрицианке, что почти вполне заменила ей мать. Это была весталка Корнелия, трогательная и печальная история которой уже известна.

В то время, когда она взяла на свое попечение внуку императора, ей было около двадцати шести лет. Весталки принимались в возрасте от шести до десяти лет, и в продолжение тридцати лет они оставались на служении, но их обязанности возрастали по мере того, как они получали повышение в своей трудной деятельности. В продолжении первых десяти лет они изучали обряды и религиозные обычаи; в продолжение следующих десяти лет они исполняли эти обряды, наконец в продолжение последних десяти лет они обучали других. А та из весталок, которая в продолжение долгих лет переживала все события и становилась старейшей, именовалась великой весталкой; ее отличали от пяти других ее подруг величайшими почестями.

Но зато на нее ложилась главная ответственность за все происходившее; все упущения в обрядах, сделанные другими весталками, вменялись ей в вину, и часто она одна переносила суровые наказания.

Таково было положение и Корнелии. Возведенная в высокое достоинство великой весталки, она испытала на себе самой все горести и опасности, соединенные с этим званием. Она только что претерпела наказание, которому подвергались лишь рабы!

Лишь только священный огонь потух от небрежности одной из жриц, как Гельвций Агриппа, заменивший Домициана в сфере духовной, признал ее ответственной за эту оплошность, считавшуюся одной из самых несчастных предзнаменований; он приказал, чтобы гордая патрицианка наравне со всякой низкой рабыней подверглась мукам бичевания! Стыд, более еще, чем страдание, так ее изнурил, что она тяжело заболела, и ей, по обычаю, предложили позаботиться о другом жилище. И она, покинув тотчас же императорский атриум, отправилась просить убежища у своей дорогой Аврелии, которая еще прежде, по достижении двенадцатилетнего возраста, должна была покинуть храм Весты и поселиться в доме своих родных.

* * *

Маленький старичок, раздвигая занавес кубикюла, где находилась молодая девушка, приблизился к ней с улыбающимся лицом и с выражением глубокого почтения. Маленький старичок одет в белую тогу с пурпурной каймой, что указывает на его сенаторское звание. Это был Вибий Крисп, опекун божественной Аврелии, которого она пригласила к себе.

Вибий Крисп оставил некоторую память о себе в истории.

Ювенал воспел его бодрую старость и его приятный разговор в одной из своих бессмертных сатир. Он изображает совет сенаторов, созданных Домицианом для обсуждения вопроса о соусе, в котором нужно готовить знаменитого пампуса (рыба, вылавливаемая у берегов Адриатического моря). Одно неблагоприятное слово чуть было не стоило жизни Вибию Криспу. Домициан, надо полагать для упражнения руки, забавлялся иногда тем, что за недостатком людей прикалывал мух своим кинжалом. И вот однажды Вибий, несмотря на то, что царствование Нерона, казалось бы, должно было сделать его осторожным, на вопрос, был ли император один, ответил: «Да, конечно, с ним не было даже мухи». Император несколько раз окинул молниеносным взглядом бедного Вибия, и все уже считали его погибшим; однако хитрый старик сумел искусно заглазить неблагоприятное слово и спокойно прожил двадцать четыре года среди всевозможных опасностей при дворе Домициана. Действительно, его положение в качестве опекуна божественной Аврелии достаточно указывало на высокую степень благосклонности к нему императора.

Войдя в кубикюл молодой девушки, Вибий дружески и почтительно приветствовал ее.

— Чем я могу быть полезным своей августейшей воспитаннице?

— Да, мой дорогой опекун: я попрошу тебя сопровождать меня в моей прогулке, так как я хочу отправиться к Помпейскому портику.

— Но, — с живостью воскликнул Вибий, от которого не ускользнул отпечаток грусти на лице молодой девушки, — очевидно, для этого есть свои причины, ибо, клянусь Юпитером, у тебя слезы на глазах, дорогая воспитанница! Что с тобой?... Скажи мне, умоляю тебя! Быть может, твоему недостойному опекуну удастся вернуть улыбку на это очаровательное личико.

— Да, дорогой Вибий, мне грустно, и я очень несчастна!.. Состояние моей бедной Корнелии меня огорчает... и потом...

— И потом?

— Я очень виновата... вот прочитай это письмо...

И, взяв со стола из лимонного дерева свиток папируса, она передала его Вибии. Это было письмо, присланное Аврелии ее двоюродной сестрой, которая, как и жена Климента, называлась Флавией Домициллой.

Оно начиналось такими словами:

«От Флавии Домициллы – Аврелии Домицилле привет».

Далее следовало:

«Дорогая сестра. Мы только что узнали, что ты лишила жизни свою рабыню Дориду. Без сомнения, по римским законам ты имела на это право; но ты знаешь, что немногие из граждан им пользуются, несмотря на то, что они не слишком добросердечны. Грустно, что молодая девица твоего возраста может попасть в разряд таких жестоких людей. Твой дядя Климент и Флавия Домицилла, твоя тетка, считают большим несчастьем, что невеста их сына могла быть виновна в таком превышении власти. Преступно посягать на жизнь себе подобных; ибо наши рабы, несмотря на то, что они должны нам повиноваться и нас почитать, суть наши же братья, как чада единого Бога.

Видишь, дорогая сестра, насколько наша религия величественнее и прекраснее той, которая позволяет господам обращаться с этими несчастными людьми, как с животными. Мы молим Бога, чтоб Он тебя просветил и простил».

Вибий Крисп, прочитав это письмо, неистово захохотал. Этот порочный старик, будучи одним из типичнейших представителей современного ему общества, чуждого сострадания к ближнему, нашел в прочитанном письме только предмет для насмешки. Тем не менее, чтобы подобная насмешка не была принята за недостаток чувства уважения по отношению к августейшей воспитаннице, он извинился перед нею и спросил:

– Неужели эти упреки и единственные в своем роде советы беспокоят и огорчают тебя, божественная Аврелия?

– Признаюсь, дорогой опекун, это письмо меня очень огорчило, так как я не могу не согласиться с его доводами.

– Так ты думаешь, что господин не может воспользоваться своим правом?

– Нет, Вибий... Но наказание было слишком жестоко!.. Правда, я таких приказаний не давала, и если моя Дорида умерла, то это был несчастный случай. Но все-таки в конце концов эту вину припишут мне! Что подумает обо мне мой двоюродный брат Веспасиан?

– Ах, моя дорогая и божественная воспитанница! – сказал Вибий, обращаясь с улыбкой к раскрасневшейся молодой девушке. – Так ты боишься прослыть слишком жестокой в глазах своего дорогого жениха! Отлично, по крайней мере есть повод. Не для этого ли предпринимается и эта прогулка к портику Помпея? Там ведь можно встретить милого жениха, который также прогуливается там ежедневно вместе со своим наставником.

– Вибий, Вибий, ты слишком зол! Да, конечно, я хочу видеть моего двоюродного брата, но только для того, чтобы объяснить ему... чтобы он меня извинил...

– А зачем тебе извинение? Я присутствовал однажды при одевании Фаннии. Прислуживавшие ей служанки были обнажены до пояса. И я тебя уверяю, что за малейшую провинность на их спины сыпались удары хлыста. Думаешь ли ты, что Фанния оплакивала бы смерть одной из служанок, причесывавших ее волосы?

Так как, однако, молодая девушка в безмолвной сосредоточенности ничего не отвечала, то Вибий продолжал:

– Огульния за забытую простыню приказала пытать свою банщицу медными палками, раскаленными докрасна на огне. Медуллина, эта стройная и нежная молодая девушка, умеряет болтовню своих служанок тем, что вонзает в их руки длинные шпильки, которыми при-

калывают ее волосы... Однако никому и в голову не приходила мысль, что эти матроны безжалостны. В Риме, дорогая воспитанница, двести тысяч граждан и два миллиона рабов! Хотел бы я знать, какое средство предложила бы твоя двоюродная сестра, Флавия Домицилла, для того, чтобы удержать всю эту массу в повиновении, не прибегая к мерам жестокости?

Как ни старался Вибий Крисп убедить Аврелию ссылкой на многочисленные примеры, он не добился от нее ни одного слова. Было видно, что ее доброе сердце испытывало угрызения совести и что речи Вибия, лишённые чувства сострадания к ближним, возбуждали у нее досаду. Вибий понял это и повел разговор иначе:

– Я знаю того, кто очень дорого дал бы за ее письмо.

– Кто же это такой, скажи, пожалуйста? – прервала его божественная Аврелия.

– Марк Регул.

– Марк Регул?! Зачем же оно ему, дорогой опекун?

– Он найдет в нем то очевидное доказательство, которое он повсюду разыскивает: именно – что Флавий Климент, его жена и твоя двоюродная сестра Флавия Домицилла христиане.

– Чего же он тогда добьется?

– Для меня это не совсем ясно. Но во времена императора Нерона нам не раз приходилось прогуливаться при свете плавающих христиан, которых привязывали к столбам, обливали серой и смолой и затем зажигали. Может быть, император Домициан пожелал бы в свою очередь насладиться этим приятным зрелищем!

Божественная Аврелия, вся в слезах, упала на руки Вибия.

– Мой дорогой Вибий, зачем ты это говоришь? Конечно, Дорида была бесчестна и ее смерть была справедлива. Я не буду больше ни в чем себя упрекать!..

Вибий ничего не понял. Он находился в состоянии человека, на которого нашел столбняк и который не понимал, что и как ему нужно делать.

– Дорогая воспитанница, твоя нежность делает мне честь и трогает меня, – произнес он, освобождаясь от ее объятий, – но каким образом то, что я сказал, могло...

– Вибий, Дорида написала Регулу... Письмо ее было перехвачено... Корнелия и Метелл Целер были так возмущены, что они велели ее наказать, а я...

– Что же было такое в этом письме?

– Прежде всего Дорида рассказала Регулу, что Корнелию почти ежедневно посещал Целер...

– Это было очень важно для твоей подруги, дорогая воспитанница; я начинаю понимать... Потом?

– Потом она положительно обвиняла моих родственников, Флавия Климента и обоих Флавий Домицилл, в христианстве, припоминая все их попытки склонить меня.

– Нужно радоваться, дорогая воспитанница, – сказал Вибий, прерывая божественную Аврелию, – что это письмо было перехвачено. Ты верно рассуждаешь, она заслужила смерть, так как Регул извлек бы из этого письма гнусную выгоду. Но император отсутствует, а до его возвращения нам нечего бояться. Мы примем меры, чтобы отвратить все то зло, которое могло бы произойти... Осуши свои слезы, божественная Аврелия, и отправимся к портику Помпея. Твои нумидийские всадники готовы, и, уже когда я входил, они едва сдерживали своих коней. Едем!

И Вибий, хлопнув в ладоши, давая этим знак ожидавшей их свите, поднял занавес и вышел в сопровождении Аврелии в атриум.

Через несколько минут молодая девушка вновь овладела собой, и на ее лице, еще так недавно омраченном печалью, появилась веселая улыбка.

IV. Невольничий рынок

Форум и площадь Марса были центром не только политической жизни римлян. Здесь находились все достопримечательности столицы мира: красивейшие памятники, роскошные портики, богатейшие храмы, лучшие таверны, то есть магазины; здесь же были сосредоточены и всевозможные соблазны и удовольствия, служившие для развлечений праздных и скучавших покорителей вселенной.

Особенно одна из частей обширной площади Марса отличалась поразительным великолепием, с которым не может идти в сравнение ни один из современных городов.

В числе таких чудес были портики, открытые галереи более или менее значительного размера, поддерживаемые колоннами богатейшей архитектуры. Они предназначались для пеших прогулок. Те же, кто желал насладиться этим удовольствием, сидя в носилках, верхом или в повозке, отправлялись на Аппиеву дорогу.

Портиков в Риме было чрезвычайно много. Они располагались обыкновенно вокруг храмов и других общественных сооружений, как, например, цирков и театров. Некоторые из них не примыкали ни к одному зданию и образовывали особые ограды, обсаженные деревьями и цветами и украшенные бьющими фонтанами. Здесь приятно было укрываться днем от палящих лучей знойного солнца, а вечером отдохнуть от дневных трудов.

К одному из таких портиков и направлялась Аврелия в сопровождении своего опекуна Вибия Криспа.

Длинное покрывало наполовину скрывало ее миловидное лицо. Шестнадцать рабов окружали носилки с пурпуровыми подушками, в которых она намеревалась совершить прогулку. Это были эфиопские невольники, темный цвет кожи которых еще рельефнее оттенял белизну туник, опоясывавших их чресла, и блеск серебряных браслетов на их руках и ногах. Здесь же суежилась под наблюдением любимой кормилицы божественной Аврелии толпа невольниц. Пятьдесят нумидийских всадников в блестящих плащах должны были двигаться впереди шествия, чтобы раздвигать толпу и пролагать дорогу по улицам Рима.

По данному Вибием знаку божественная Аврелия заняла место в своих великолепных носилках. Эфиопские носильщики плавно их подняли, и вся эта толпа медленно тронулась в путь. Вибий шел рядом с молодой девушкой, стараясь ее развеять и обвевая ее опахалом из длинных и гибких перьев.

Долог был путь от дома Цицерона, расположенного на Палатине, к портику Помпея. Чтобы добраться туда, свите Аврелии предстоял целый час ходьбы.

Прибыв к указанному месту, Аврелия сошла с носилок и в сопровождении Вибия, своей кормилицы и других женщин направилась к театру. Остальная часть свиты в ожидании божественной Аврелии разошлась по харчевням, которых здесь было в изобилии.

В этих харчевнях их владельцы весьма искусно умели опорожнять карманы рабов, лишая их этим возможности скопить себе нужную сумму для выкупа из неволи. В этих харчевнях за чаркой критского вина рабы в отместку за невзгоды подневольного житья раскрывали все тайны домашней жизни своих господ.

Когда Аврелия вошла в портик Помпея, толпа почтительно расступилась перед ней и взоры всех присутствующих устремились на нее.

В Риме все знали молодую девушку. Было известно всем, что она ближайшая родственница императора, а также и то высокое назначение, которое ожидало ее впереди.

Торговцы, в предположении, что она явилась сюда для покупки драгоценнейших материй, низко ей кланялись и старались обратить ее внимание на свои товары.

Быстрым взглядом Аврелия окинула окружающих, тщетно разыскивая в этой толпе единственное интересовавшее ее лицо.

– Неужели здесь нет моего двоюродного брата? – с досадой сказала она Вибию.

– Да, августейшая воспитанница, я забыл тебе сказать, что его воспитатель несколько дней тому назад потерял своих обоих сыновей.

– Но мне необходимо видеть Веспасиана! – воскликнула Аврелия. – Я хочу непременно с ним поговорить, а ты знаешь, что дядя и тетя больше меня не принимают у себя.

– Напиши ему, дорогая воспитанница, – ответил Вибий. – Впрочем, я устрою вам свидание. Но в эту минуту думай только о том, чтобы развлечься, и не возвращайся больше к тому, что тебя огорчило. Разве этот портик и находящееся в нем изысканное общество тебя не интересуют? Потребуй свиту, и, если пожелаешь, мы можем отправиться на Аппиеву дорогу.

– Кто этот иностранец? – прервала его молодая девушка, указывая на человека, молчаливо проходившего по галереям, не обращая внимания на движение толпы.

– Это знаменитый Иосиф Флавий, взятый в плен твоим великим дедом, императором Веспасианом, во время первого похода против евреев. Он в продолжение шестидесяти семи дней выдерживал осаду в крепости Иотана против божественных твоих предков Веспасиана и Тита. В своем отечестве, в Иудее, он принадлежал к жреческому сословию и к секте фарисеев, которой служил лучшим украшением. Попад в плен, он поселился в Риме и предался научным занятиям. Одно из его сочинений император Тит приказал поместить в общественную библиотеку. Это даровитейший человек, но, к сожалению, как говорят, он одержим неизлечимой болезнью.

– Разве он из тех евреев, которых зовут христианами?

– Нет, дорогая воспитанница, напротив: он враг христиан, несмотря на то, что в своих сочинениях он воздал похвалу Христу, учение которого он отвергает. Он следует и соблюдает закон Моисеев, закон нелепый, который делает евреев народом исключительным.

– Ах какие дивные вазы и великолепные вещи! Я никогда не видела ничего подобного! – воскликнула простодушно молодая девушка, устремив взор на лавочку, из которой выглядывала какая-то странная личность.

– Племянница императора Домициана, божественная Аврелия, разрешит предложить ей, что ей больше всего понравится в этой лавочке? – сказал этот человек, одетый в крайне пеструю тунику.

– Кто ты? – спросила Аврелия с некоторым высокомерием.

– Я прибыл из стран Востока, – ответил незнакомец, почтительно кланяясь, – с этими мурринскими вазами, чтобы предложить их императору Домициану... Без сомнения, ему будет весьма приятно, если его возлюбленная племянница выберет...

– Я их приобрету, приобрету! – воскликнула с живостью молодая девушка, простирая руку к обоим амфорам совершенно одинакового вида, окраска и живопись которых были прекрасно выполнены. – Но, – возразила она, – без сомнения, эти две вещи стоят дорого? Сколько нужно будет тебе уплатить за них? Оцени их, дорогой Вибий.

– Один из моих друзей, – сказал Вибий, – в последнее время купил мурринскую чашу за шестьдесят три таланта; она была больше, чем эти две вазы, соединенные вместе, но я признаюсь, что она была не так красива и художественна, как эти.

– Ты отправишь сегодня же хозяину лавочки сто сорок талантов, если, однако, дорогой опекун, ты пожелаешь исполнить прихоть твоей воспитанницы. Но вазы так прекрасны! – И, повернувшись к незнакомцу, спросила: – Как тебя зовут?

– Аполлоний Тианский, госпожа!

– Как, ты тот самый Аполлоний, о чудесах которого все говорят в Риме?

– Да, госпожа, – ответил философ, вновь низко и почтительно раскланиваясь, – и я бы не желал, чтобы племянница императора платила мне за то, что я счастлив был предложить ей.

– Пусть будет так, но нельзя же, однако, чтобы племянница императора была в долгу у Аполлония, – возразила молодая и гордая патрицианка. – Вазы останутся здесь, или будут проданы за деньги, или иначе... что просишь ты?

– Приема у императора после его возвращения.

Требование было слишком велико. Аврелия колебалась одну минуту, потом сказала:

– Прием ты получишь, однако мне угодно, чтобы взамен этих двух ваз ты взял от меня две коринфские чаши, которые будут тебе принесены в дом.

Аполлоний безмолвно поклонился в третий раз.

Когда он поднял голову, божественная Аврелия была уже в нескольких шагах от него. Она дала приказ собрать людей для возвращения домой. Две из ее рабынь несли купленные вазы.

Молодая патрицианка нашла под перистилем портика Помпея свои носилки, невольников и нумидийских наездников.

– Не вернуться ли нам через народный рынок? – сказала она Вибию, усаживаясь в носилки. – Я хочу посмотреть, есть ли там в продаже такие же вазы, как эти.

Желание божественной Аврелии было для Вибия Криспа равносильно приказанию. Он велел тотчас же направиться по дороге к Villa Publica.

Когда они приблизились к цирку Фламиния, неожиданное зрелище привлекло внимание Аврелии. На высоком помосте перед одной из лавочек стояли почти совершенно нагие мужчины, женщины, молодые люди и девушки с табличкой на шее и с белым льняным чепчиком на голове. Это был невольничий рынок.

Перед помостом прогуливался с длинным бичом в руке владелец этих невольников, Парменон. С невозмутимой уверенностью и непринужденностью он хвастался толпе своим товаром.

Время от времени он наделял ударами этих трепетавших перед ним обнаженных людей, которые, однако, не смели издавать ни одного стога.

– Смотрите, как они послушны! – восклицал Парменон с торжествующим видом. – Владелец может наказывать их, как ему угодно. Он не будет бояться ни их возмущения, ни жалоб! Идите, граждане, покупайте! Развешиватель серебра недалеко, а восемь тысяч сестерций ничего не стоят!

Но ни один любитель не выходил из плотной толпы на вызов Парменона. Выбор же был между тем очень хорош: от черного африканца до белой галльской девушки, разнообразие возрастов, полов и цветов кожи могло удовлетворить всевозможные вкусы. Решительно день казался плохим, и Парменон начинал беспокоиться. Однако Меркурий, бог плутов, ростовщиков и барышников, пришел к нему на помощь.

Вдали уже показалось начало шествия божественной Аврелии. Парменон, который не различал еще ничего, понял только, что приближался богатый гражданин. Внезапная надежда осветила его лицо.

– Прикажи выйти рабам изнутри! – воскликнул он, обращаясь к человеку, который, казалось, был его помощником в этом занятии.

Чтобы понять смысл этих слов, нужно иметь в виду, что в подобного рода лавочках заключался товар двух весьма различных сортов. Один сорт, достоинством похуже, выставлялся лишь для вывески. Лучшие же экземпляры хранились внутри.

Вскоре показались на позорных подмостках другие жертвы; они были увенчаны цветами, как будто предназначались для жертвоприношения.

Толпа пришла в неистовый восторг. Группа была действительно прекрасна и весьма разнообразна. Она могла удовлетворить самых взыскательных знатоков. Одна молодая девушка в особенности привлекала взгляды всех присутствующих. Ее длинные волнистые волосы закрывали ее почти всю; несколько лоскутьев грубой материи скрывали ее наготу.

Как и у других подруг, у нее тоже была дощечка с надписью о продаже. На ней было, кроме того, обозначено, что девушка происходила из свободного сословия и что она никогда не могла быть вольноотпущенной. Ее несчастье должно оставаться вечным. И, несмотря на все это, ее лицо, обращенное к небу, выражало чувство совершенной покорности Божественному Провидению. Несколько слезинок, которые нисколько не уменьшали ее мужества, медленно текли по ее розовым щекам.

Это была Цецилия, жертва Марка Регула.

Когда она показалась на подмостках, из глухого и неопределенного шума толпы явственно выделилось три вопля. Первый, вопль отчаяния, издал ее отец, лицо которого искажилось от ужасного горя. Второй, крик негодования, раздался как угроза. Он исходил от молодого человека, жениха Цецилии, который хотел броситься к ней и вырвать ее из рук палачей, если бы его друзья не удержали. Третий, вознесенный кем-то к небесам, призывал к мужеству и надежде.

– Мужайся, Цецилия! – слышался голос. – Мужайся! Думай о Боге, ради которого ты претерпеваешь гонение; думай о Христе, Сыне Божьем, который тебя вознаградит!

Эти странные слова, произнесенные в Риме на невольничьем рынке, вероятно, впервые, принадлежали старухе, достигшей почти восьмидесятилетнего возраста. Она сидела у подножия помоста. В чертах ее лица можно было прочесть горькое страдание. Она произнесла слово «мужайся», а сама заплакала! Покорность Провидению не могла заглушить сердечных мук. Цецилия расслышала эти слова и опустила глаза. Она окинула взором присутствующих и улыбнулась тем, кто за нее так страдал. Она заметила также Марка Регула, который, выйдя из-за колонн, откуда он с беспокойством наблюдал за всем происходившим, поспешно подошел к Парменону.

– Берегись, – сказал он ему, – хотят отнять у тебя Цецилию!.. Идет божественная Аврелия, племянница императора, которую сопровождает свита... Сделай так, чтобы она остановилась и чтобы купила ее... Она не отступит даже перед ста тысячами сестерций!

В эту самую минуту Аврелия велела остановиться. Она увидела Цецилию, прочитала надпись и обратилась к Вибии со словами:

– Опекун, эта молодая девушка мне нравится, я хочу ее приобрести. Спроси цену у этого человека. Она заменит Дориду.

Парменон услышал. В один миг он был возле Вибии.

– Я попросил бы двести тысяч сестерций, – сказал он, – но божественной Аврелии, августейшей племяннице нашего владыки императора Домициана, я уступаю эту рабыню за сто тысяч сестерций... Господин позволит?

Вибий был образцом опекунов, он взглянул на свою воспитанницу, и так как она ответила ему улыбкой, выражавшей мольбу, то достойный сенатор уступил без спора и потребовал весовщика. Человек, носивший весы, тотчас появился. Это лицо было необходимо при всякой продаже или отдаче во владение. Аврелия сошла со своих носилок. Цецилию заставили сойти с подмостков. Властная госпожа и будущая невольница обменялись взглядами, гордым со стороны патрицианки и почтительным со стороны дочери народа.

Аврелия держала медную монету в руке, символ ввода во владение. Твердым шагом она подошла к Цецилии и, покрыв ее голову своей ладонью, произнесла священную формулу:

– Я утверждаю, что эта молодая девушка принадлежит мне по закону квиритов и что я ее купила за эту монету и при помощи этих весов.

В это же время она коснулась медной монетой весов и передала ее Парменону как мнимую продажную стоимость Цецилии.

Торговец, не придававший значения мнимой цене, даже и законной, спросил у сенатора, когда он может получить действительную сумму.

– Тотчас, – сказал Вибий, – пошлите за ней к эконому моей воспитанницы.

Но в ту минуту, когда молодая патрицианка, приобретя новую рабыню, хотела войти в носилки, вдруг разыгралась необычайная сцена.

Из Ратуменских ворот появилось, направляясь к храму богини Юноны, другое шествие, которое мало-помалу окружило свиту божественной Аврелии, занятой совершением обряда покупки. Литаврщики и трубачи, оглашавшие воздух громкими звуками, тотчас остановились, как только по слугам императорского дома узнали о присутствии здесь его племянницы. С колесницы, легко запряженной двумя телицами с позолоченными рогами, сошла молодая девушка. На ней была таинственная одежда жриц Изиы. Она блистала красотой, ее взор сиял вдохновением.

Это была Ганна, пророчица, пришедшая из Галлии для предсказания будущего. С великими почестями встретили ее при дворе Домициана. Жрецы были увлечены ею и возвещали о ее могуществе. В Риме она заменила божества, которые были только пустыми символами, потерявшими значение в веровании народов.

– Дочь Тита! – воскликнула она в тот момент, когда рука божественной Аврелии прикоснулась к Цецилии. – Не бери этой невольницы, от нее ты получишь смерть!

С другой стороны, восьмидесятилетняя старуха, взор и чело которой сияли высшим вдохновением, обратилась к Аврелии со следующими словами:

– Дочь цезарей, возьми эту молодую девушку, она даст тебе жизнь!

Женщина, которая уже во второй раз возвысила голос, была Петронилой, дочерью апостола Петра.⁶

В толпе воцарилось глубокое молчание. Каждый созерцал с изумлением этих двух столь различных женщин, Ганну и Петронилу, говоривших племяннице императора одинаково властно. Одна возвещала смерть, другая обещала жизнь, и обе говорили правду! Одна, несмотря на ее юность, представляла собой как бы отжившее; другая, несмотря на старость, представляла собой будущее. Двойное и жизненное изображение Рима! То, которое умирало, было с челом, увенчанным цветами; то, которое возрождалось, – с челом страдающим и огорченным!

Аврелия, беззаботное дитя, видела в этом знаменательном зрелище только то, что ею была приобретена очаровательная рабыня, которую она хотела сохранить. Вибий Крисп, старик, сомневавшийся во всем, пожимал плечами, видимо обнаруживая нетерпение.

– Двинемся в путь! – сказала его воспитанница.

Шествие тронулось в дорогу, и вскоре вместе с Цецилией христианство вступило в древнее жилище Цицерона.

⁶ Исторических данных о том, было ли у святого апостола Петра семейство, не сохранилось никаких. Известно только, что апостол был женат (Марк I, 30). Дочь Петра – это фантазия автора, не представляющая, впрочем, ничего не возможного.

V. Первые светочи

Наступил тот незабвенный в истории народов день, в который святой апостол Павел в Кесарии, обвиненный и плененный евреями, произнес перед Порцием Фестом, правителем Иудеи, и царем Агриппой свою знаменитую речь, приведенную в Деяниях апостольских, заключительные слова которой были таковы: «Я взываю к правосудию кесаря!» (Деян. XXVI, ср. XXV, 10. 21).

Павел, взывавший к правосудию кесаря, подлежал отсылке в Рим. Правитель Агриппа, побежденный высоким учением апостола Павла, чувствуя себя почти христианином, готов был его освободить, так как не считал его достойным ни смерти, ни тюрьмы, в которой он там содержался в продолжение двух лет; но нельзя было пренебречь воззванием к кесарю. Порций Фест ответил:

– Хорошо, ты отправишься к кесарю.

Этот кесарь был император Нерон. Рассчитывал ли апостол Павел подействовать на него теми же словами, которые привели в трепет его судей: Феликса, Порция Феста и царя Агриппу, или он желал и Нерону говорить о правосудии, целомудрии и о будущем Страшном суде?

А Рим? Мог ли он воспринять проповедь Павла о раскаянии, призывавшую обратиться к единому Богу и к делам милосердия, достойным этого раскаяния?

Казалось, апостол не мог рассчитывать на победу и Фест вправе был воскликнуть:

– Ты безумец, Павел! Твоя ученость расстроила твои умственные способности! (Деян. XXVI, 24).

Как бы то ни было, апостол Павел решил отправиться в Рим. Апостол Петр уже был там; имя Христа Спасителя уже получило право гражданства в столице мира.

В Риме было известно о прибытии апостола. Верующие пошли к нему навстречу, более ревностные – до форума Аппия, а другие – до места трех лавочек.

Они благословляли Бога за то, что наконец они могут прикоснуться к одежде и созерцать черты лица апостола. Со своей стороны, апостол Павел благодарил Господа за то, что ему довелось находиться среди своих братьев. Это было первое прибытие апостола Павла в Рим. Римская полиция, извещенная о его прибытии, разрешила ему поселиться там, где он пожелает; но для наблюдения за узником к дверям его дома был приставлен воин.

Тем не менее свобода апостола Павла не была стеснена. Он мог ходить по городу и принимать у себя гостей.

Евреи, жившие тогда в Риме, делились на два разряда. Одни из них, богатые и влиятельные, пришли туда для того, чтобы как можно лучше обосноваться. Другие же – бедные телесно, но богатые духовно – составляли верное и избранное стадо, следовавшее за святым апостолом Петром. Они проводили жизнь в молитве, занимались ручным трудом и никому не были ведомы, кроме тех несчастных, которым они по-братски оказывали помощь, да сборщикам податей, которые их беспощадно грабили, и еще философам, которые начинали прислушиваться к их учению.

Недалеко от Капенских ворот, при выходе на Аппиеву дорогу, была роща, посвященная Либитине, богине усопших. На этом месте некогда был воздвигнут храм нимфе Егерии и несколько алтарей, посвященных музам.

Теперь это не более как жалкие развалины.

Этот скромный и незаметный уголок и послужил колыбелью христианства, религии Бога воочеловечившегося. Здесь появились первые последователи Христа в Риме; сюда же они стекались из города, когда там поднималось гонение.

За пользование этими жалкими развалинами, крайне неудобными и вредными для здоровья, хищные откупщики вымогали у них непомерно высокую плату.

Римские остряки изощрялись в утонченных насмешках, направленных против этих бедных незащищенных и презираемых людей. Тацит очень часто вышучивал нацию, у которой «свиные доживают до старости» (так как Моисей запретил употреблять их в пищу). Ювенал повторяет эту же недостойную насмешку. Он относится с презрением к этим несчастным, движимое имущество которых состояло из нескольких корзин и у которых не было другого ложа, кроме носилок с сеном.

И тем не менее эти столь презираемые евреи внесли в Рим два догмата: единобожие и бессмертие души. Бессмертие – блаженное или печальное, в зависимости от образа жизни и чистоты нравов. Понятно, что такого рода учение было не по сердцу людям распущенным. Этим и объясняются их насмешки над новой религией евреев.

Наконец апостол Павел прибыл в Рим. Прежде всего он созвал еврейских старейшин для того, чтобы в самом начале своей миссии выяснить, на что он может рассчитывать со своими согражданами и чего должен опасаться. Он рассказал им о своих страданиях и о причине прибытия в Рим.

– Скажите мне, – обратился он к ним, – почему у вас пошла худая молва обо мне? Наговорил ли вам кто-нибудь из пришедших из Иудеи или вы получили письма об этом?

В ответ он получил уверение, что ничего такого не произошло. Они выразили желание услышать от него самого об этой «секте», о которой каждый говорит по-своему.

Апостол Павел в прекрасных словах рассказал им о царстве Божьем, об Иисусе Христе, возведенном Моисеем и пророками. Но большая часть из этих евреев отвернулась от него в знак сомнения, и только некоторые поверили словам апостола. Такова была первая проповедь Павла в Риме.

Таким образом еще раз исполнилось пророчество Исая:

«Идите к этому народу, и, слушая вас, он ничего не поймет; откроет глаза, чтобы видеть, и ничего не увидит». «Идите к язычникам возвестить спасение Божие, и они примут его».

Апостол Павел прежде всего обратился с проповедью к евреям, но огрубелые их сердца не отозвались. Настал момент обратиться к язычникам римлянам.

В это время в Риме был знаменитый философ по имени Сенека. Всему миру была известна его жизнь и его сочинения, иногда столь возвышенные по мыслям и убеждениям, что святой Иероним не поколебался поставить его в число христианских писателей. Он называет его «наш Сенека».

Это был писатель, обладавший редким умом. Будучи в полной немилости у Нерона и ежедневно опасаясь преследований, он покинул Палатин, находившийся слишком близко к Нерону, и переселился в один из наиболее пустынных кварталов Рима.

Богатые патриции выбрали этот почти необитаемый квартал для своих оргий и вообще для таких наслаждений, у которых не должно быть свидетелей.

В этом же квартале поселился и Сенека с тех пор, как Нерон стал искать случая, чтобы приговорить его к смерти.

Однажды, когда Сенека, находясь в уединении, был погружен в свои занятия, номенклатор (раб, обязанный называть по имени посетителей) пришел объявить, что какой-то иностранец желает его видеть. Философ некоторое время колебался, опасаясь, не шпион ли это или вестник от императора; однако решил впустить его. Вскоре на пороге комнаты, где находился Сенека, действительно появился иностранец в сопровождении номенклатора.

При первом взгляде на незнакомца философ по одежде и по выразительным чертам лица догадался, что посетитель был одним из евреев, достаточно многочисленных в Риме. И он не ошибся. Это был апостол Павел.

VI. Апостол Павел и Сенека

Философ сделал движение, по которому можно было судить, что приход иностранца был для него не особенно приятен.

Павел молча стоял перед ним. Внешний облик его был скромнен, но в нем не было видно следов какого-нибудь замешательства. Во всей его наружности было нечто лучезарное, что могло произвести впечатление и на такого человека, как Сенека.

Философ бросил на апостола один из тех взглядов, который означал: «Прошу покорно, чем могу служить?»

Апостол Павел подошел и приветствовал его по римскому обычаю – поднес правую руку ко рту и сделал поклон налево и направо. Но Сенека не протянул руки, как это следовало бы сделать при дружественных приветствиях.

Апостол Павел, однако, не смутился таким холодным приемом. Он подал Сенеке пергаментный сверток, который он держал в руке, и сказал:

– Это от твоего брата Галлиона.

Сверток был секретным посланием. Для этой цели нарезали несколько узеньких листьев папируса и прикладывали один к другому; эти обрезки наворачивали на скалку из дерева или металла и писали вдоль скалки. Затем полоски наворачивались вновь на другую скалку, которая и пересылалась адресату. Прочитать написанное таким образом письмо можно было только при помощи скалки, совершенно подобной той, которая служила для письма. При этом еще требовалась большая старательность и точность в накладывании листков на вторую скалку, чтобы достигнуть цели.

Сенека взял послание из рук апостола и пошел разыскивать скалку, соответствовавшую скалке послания. Потом он приступил к трудам для восстановления письма.

– Послание это написано давно, – заметил Сенека, который уже успел разобрать его дату.

– Да, уже прошло свыше двух лет, как твой брат мне его передал. С этого времени я находился в плену, да и в настоящее время в нем пребываю. Я пришел в Рим, чтобы обратиться лично к правосудию кесаря.

– Мне жаль тебя, Павел, – сказал Сенека.

Апостол ничего не ответил, а хозяин продолжал разбирать письмо.

Читая письмо, Сенека неоднократно с удивлением и любопытством посматривал на апостола. Но для Павла еще не пришло время говорить.

– Брат мой извещает меня, – сказал Сенека, закончив чтение, – что ты редкий гений и в то же время великий оратор и философ.

– Я, – возразил апостол Павел, – только последний из рабов Божьих, и вся моя сила в Иисусе Христе.

– Мой брат сообщает также, – произнес Сенека, не выражая ни малейшего удивления по поводу странного ответа, – что ты христианин... так ли это, дорогой Павел?

– Да, это правда. Два года тому назад Нерон хотел отсечь мне голову, и не за какое-нибудь преступление, а за веру в моего Божественного Учителя.

– Неужели же ты рисковал жизнью из-за этого суеверия?

– В настоящее время я нахожусь в таком же положении, и я готов умереть, но час мой еще не пришел: я должен выполнить свое назначение.

– Какое назначение, дорогой Павел?

– Преподать Риму учение о царствии Божьем и помочь апостолу Петру в деле устройства церкви Божьей.

– Об этом Петре я слышал, дорогой Павел. Вещи, о которых он говорит, странны и невозможны.

– Слушай, Сенека, – прервал его апостол, – то, что я говорю тебе, есть истина, но ты не в состоянии ее понять.

– Разве я не философ, и философ не с известным именем? – сказал Сенека с некоторой гордостью.

– Бог, о котором я возвещаю, открывается людям с простыми сердцами. Он презирает тщетные земные познания. От таких философов, о которых ты говоришь, Он скрывается.

– Но что ты наконец намерен делать?... Разве этот Рим, который ты хочешь просветить, будет лучше подготовлен для восприятия твоей истины, чем я?... Думаешь ли ты, что он станет внимать твоему голосу?...

– Дух Божий внушит мне то, что я должен сделать, а Господь Иисус Христос довершит остальное... Сенека! Сенека! Рим, столь непокорный, склонит свою голову. В недалеком будущем число христиан будет так велико, что если бы они удалились, то Рим представлял бы из себя не более как обширную пустыню.

– А я, дорогой Павел, – сказал, улыбаясь, философ, – я тоже буду в числе твоих?

– Нет, Сенека, ты будешь уважать мое учение, но не постигнешь его. Это будет для тебя хорошей философской системой, дающей осуществление некоторым из твоих мыслей; потомство найдет в твоих сочинениях некоторый отголосок моих слов и наших священных книг, но дальше этого ты никогда не пойдешь.

– Почему же так, дорогой Павел? Если твое учение – истина, я не найду ничего лучше, как быть в числе твоих учеников.

– Быть моим учеником не то же самое, что сделаться последователем Платона, Аристотеля или других философов. Как я уже тебе говорил, Бог, которого я исповедую, не любит гордецов, и для того, чтобы последовать за Иисусом Христом, распятым на кресте, нужно, как Он, нести свой крест. Другими словами...

– Нести свой крест!.. Орудие пытки для рабов!.. Дорогой Павел, поистине ты...

– Лишен рассудка, не так ли, Сенека?... Не это ли ты хотел сказать? Да, действительно, я безумец. И это безумие я хочу преподавать Риму; оно овладеет им и распространится по всему миру.

– Говори же, Павел, ибо я не могу тебя понять. Этот крест, Иисус Христос, христиане, Рим, вселенная... Клянусь Юпитером! Что все это значит? Это какой-то лабиринт...

Мы не берем на себя передачу вдохновенных слов апостола; чудодейственная сила его красноречия блистала, как молния среди ночной темноты.

Прежде всего Павел рассказал философу, как из преследователя христиан он обратился в пылко проповедника новой религии. Он развернул перед ним восхитительную картину развития религии, восходившей к первым временам мира и сохранившейся в течение веков до сего дня. Он говорил ему об Иисусе Христе, пришествие которого было возвещено человечеству пророками и ожидалось всеми поколениями. Он рассказал ему, как Иисус пришел в мир, когда наступило время исполнения пророчеств, – как пришел Он в бедности, чтобы преподавать Свое Божественное учение, совершить чудеса, умереть на кресте и воскреснуть во славе. Рассказ о проповеди апостолов, «о доброй вести», распространившейся по свету, и покорении все новых полчищ для прославления Христа.

Апостол Павел преобразился; лицо его светилось лучезарным сиянием проповедника. Сенека слушал, оживленный трепетом. Он услышал то, о чем даже никогда не мечтал. Окружающая природа, казалось, находилась в гармонии с этой величественной сценой, как бы желая замолкнуть в присутствии посланника Божьего. Никакой шум не пронесся в воздухе; всюду был сосредоточенный покой, какой бывает в те таинственные часы, когда молитва возносится к небу.

Когда апостол окончил, водворилась тишина, глубокая и торжественная.

– Галлион был прав, – сказал, наконец, Сенека. – Ты удивительный гений!

– Я тут ни при чем, Сенека! Это мое учение, но удивляться надо не мне.

– Не сказал ли ты мне минуту тому назад, что я никогда не уверую?... Отчего же ты пришел ко мне?...

– Оттого, что время приближается, когда религия Христа будет для тебя высшим утешением...

– Что ты этим хочешь сказать?

– Сенека, разве ты не думаешь о последнем слове Нерона?...

– Ах, Павел, ты вестник смерти!

– Сенека, Сенека, апостолы Христа дают жизнь, что же касается смерти, то она в руке Божьей.

– Итак, – сказал философ, улыбаясь, – это твое предсказание? Скоро оно сбудется?

– Очень может быть, – произнес апостол.

– Ну, что же, пусть будет так! Я не боюсь смерти... Я благодарю тебя за то, что ты меня предупредил.

– Сенека, уверуй в Иисуса Христа. Ах, ты это можешь сделать!

– Это действительно весьма возможно, дорогой Павел. Я люблю все прекрасное, а твое учение прекрасно. Но философ должен сравнить, обсудить. Мне нужно некоторое время. Приходи ко мне еще раз. Ты мой друг, Павел, и, со своей стороны, я чувствую к тебе живое расположение. Чем мог бы я быть тебе полезным?... Но ты сам видишь, как мало я пользуюсь доверием... Между тем...

– Я благодарен тебе, Сенека, мое время обозначено так же, как и твое, и никто, даже и Нерон, не изменит предначертаний Божьих. Мое упование во Христе, и я не нуждаюсь ни в чьем покровительстве. Прощай, Сенека; во имя Бога живого, размысли о том, что ты услышал!

И апостол ушел с чувством разочарования, так как он увидел, что не приобрел этой души для Христа.

Сенека не забыл апостола Павла. Он виделся с ним несколько раз и часто с ним беседовал. Они обменивались между собой письмами. Но Сенека был одним из тех людей, на которых крайности цивилизации оставляют неизгладимые следы.

Он изучал христианскую религию, слушал апостолов Петра и Павла, читал их послания, вдыхал ароматы того учения, которое, подобно прекрасному цветку, распускалось на его глазах. Но он поступил так, как поступают те, которым нравится известный цветок, но они не интересуются узнать, откуда он взялся и почему он издает такой чудный аромат. Он просматривал труды апостолов, не улавливая их сокровенных чувств и самобытных мыслей. Иногда он приводил поразившие его мысли и в своих собственных сочинениях. Этим и объясняется тот непонятный для многих факт, что в произведениях Сенеки встречаются мысли, одинаковые с теми, которые содержатся в учениях святых апостолов. Сам же Сенека никогда не был носителем и выразителем тех вечных истин, которые составляют содержание христианского учения.

Философ несколько месяцев употребил на изучение новой доктрины, но, однако, ему не удалось закончить этого изучения. Однажды вечером, когда он сидел за столом со своей женой и двумя друзьями, возле его жилища послышался большой шум. Это когорта солдат окружала его дом. Появился центурион и объявил, что он является вестником Нерона и возвещает ему приговор о смертной казни. В виде последней милости он позволил своему учителю избрать себе род смерти по собственному выбору. Все же имущество подлежало конфискации.

Сенека обнаружил большую твердость характера. Он решил умереть, подобно Сократу, в дружеской беседе.

Жена его бросилась к нему в объятия и объявила, что она последует за ним в могилу. Им обоим открыли вены.

В это же время прибыл новый вестник от Нерона, который возвестил приказание императора сохранить жизнь Сенеке.

Преторианцы с помощью вольноотпущенников и домашних рабов перевязали ему вены, остановили кровь и замедлили наступление смерти.

Сенека попросил у своего друга и врача подать ему яду. Однако на его ослабленное и истощенное излишествами тело яд совсем не действовал.

Все друзья философа горько рыдали, а он, всегда жизнерадостный, порицал их отчаяние, советовал сохранить присутствие духа. Он попросил подать ему его завещание, но центурион заметил, что ввиду отчуждения его имущества будет бесполезным всякое новое распоряжение.

Сенека приказал тогда положить себя в теплую ванну, пар который ускорял наступление смерти, усиливая кровотечение из открытых вен.

Войдя туда, он обрызгал рабов водой и сказал:

– Я делаю это возлияние во имя Юпитера Освободителя!

Послышался глубокий вздох; чей-то голос произнес его имя: Сенека, Сенека!

Философ оглянулся и увидел поспешно входившего апостола Павла. Слабая улыбка появилась в последний раз на устах умирающего. Глубокая скорбь отразилась в чертах лица апостола.

Но было слишком поздно! Горячий пар ванны охватил Сенеку; от слабости он упал, а вскоре его уже не стало. В доме раздались вопли. Это рабы Сенеки, отдавая, по обычаю, последний долг усопшему, оглашали воздух рыданиями. Присутствующие здесь его друзья с воодушевлением говорили о кончине достойнейшего мудреца. Они вспоминали о добродетелях покойника и о его самообладании в последние минуты.

Апостол Павел понял, что перед бездыханными трупами философа и его жены и перед легкомысленными их друзьями ему было бесполезно возвышать свой голос... И он вышел отсюда...

VII. Свет во тьме

Апостол Павел вскоре должен был предстать перед кесарем по поводу поданной им апелляции.

При императоре Нероне судопроизводство было не особенно многосложно. Апостолу нетрудно было снять с себя обвинение, которое возводили на него его единоплеменники и которое не вполне понятно было и для самого Нерона.

Для чего было Нерону заниматься распрей между умиравшим иудейством и зарождавшимся христианством? В глазах Нерона это был не более как частный случай, которым не стоило труда особенно интересоваться. И если тем не менее кесарю угодно было обратить внимание на дело апостола Павла, то это он сделал из-за любопытства. Апостол Павел считался человеком необыкновенным; о его чудесах и о чудесах апостола Петра много говорили.

Действительно, оба апостола в подтверждение истинности своей проповеди об Иисусе Христе творили многочисленные чудеса. Они исцеляли больных, заставляли ходить хромых, возвращали слух глухим, зрение – слепым, воскрешали умерших.

Для развлечения народа Нерон устраивал большие игры в амфитеатре. На этот раз игры обещали быть особенно блестящими. Один человек готовился подняться на крыльях до облаков. Этот человек был знаменитый волхв Симон, который всеми силами старался соперничать с апостолами в творении чудес. О нем говорили, что он способен оживлять статуи, превращать камни в хлеб, летать по воздуху, вызывать тени умерших и прочее. Духовные писатели первых веков действительно признают, что Симон, вероятно по попущению Божьему и при помощи дьявола, творил некоторые чудеса.

Какое будет торжество для Нерона, какой блеск для его игр, если эти три человека: апостолы Петр и Павел, а также волхв Симон, выступят там на сцене, состязаясь в своем сверхъестественном могуществе!

Дело казалось очень просто: и апостолы Петр и Павел, и Симон – все были евреи. Симон хвалился, что он владеет высшей силой, так разве не интересно было в присутствии императора разрешить вопрос, на чьей стороне преимущество?

Но чудеса не творятся для удовлетворения пустого любопытства. Сам Господь Иисус Христос отказался сотворить чудо по желанию неверов. Поэтому на предложение Нерона сотворить чудо апостол Павел ответил отказом, причем заявил, что и Симон не одержит победы.

На другой день, когда начались народные игры, Симон вошел в амфитеатр, окруженный свитой, подобавшей его славе. Его сопровождала Селена, куртизанка из Тира, известная своей красотой и названная им Еленой. Он утверждал, что это воскрешенная им жена Менелая.

Симон пользовался в Риме удивительным влиянием. Сенат унизился до того, что решил воздвигнуть на одном островке Тибра статую со следующей надписью: «Симону, святому богу».⁷ Шумные рукоплескания раздались по всему амфитеатру, когда на сцене появился человек, который должен был подняться до облаков.

Присутствующие здесь апостолы Петр и Павел молили Бога, чтобы Он не допустил восторжествовать духу лжи над духом истины и чтобы этот осквернитель святыни, враг Бога живого, не предстал перед народом с силой и могуществом, равными силе посланников Божьих.

По данному императором сигналу Симон поднялся на воздух.

Утверждают, что он несколько времени продержался на воздухе, летая над амфитеатром.

⁷ Необходимо, однако, заметить, что эта надпись: «Saimoni Deo sancto» толкуется и в другом, более вероятном смысле: полагают, что Saimon, Сэмон, – имя сабинского божества.

Но вдруг он стремглав полетел на землю, пораженный десницей Божьей. Когда его подняли, он не владел ногами и был вес в крови. Народ, за одну минуту перед тем приветствовавший его аплодисментами, теперь свистел...

Симон, подавленный стыдом и отчаянием, не пожелал пережить свой позор. Из ложи, куда его перенесли, он бросился вниз и здесь нашел себе смерть, разбившись от падения.

Нерон, казалось, был не особенно доволен такой печальной развязкой.

Симон был принят им ко двору и пользовался его благосклонностью. Весьма возможно, что благодаря этому обстоятельству он затаил в себе чувство мести к обоим апостолам. Тем не менее в данный момент он ничем не проявил своего недовольства.

Апостолы Петр и Павел вернулись к своим апостольским трудам. Они по-прежнему жили трудами своих рук, окруженные заботами святых женщин, дававшим удивительные примеры благотворительности, христианского нестяжания, евангельской чистоты и других добродетелей.

Некоторые из этих святых жен никогда не покидали Матерь Божью. Вместе со святым апостолом Иоанном они сопровождали Ее в Эфес, где и оставались с Ней до блаженного Ее успения. После этого события они тотчас же отправились в Рим, чтобы соединиться с апостолами и помочь им в деле распространения евангельского учения.

Апостольская проповедь не оставалась без успеха. Число верующих ежедневно увеличивалось присоединением новых последователей самого разнообразного общественного положения, возрастов и полов. Такое успешное распространение нового учения начинало уже сильно беспокоить приверженцев древних суеверий.

Впрочем, многие совершенно справедливо предугадывали, что новое учение повлечет за собой полное обновление Древнего мира и совершенное разрушение его прежних устоев.

И вот этим новым и всеми презируемым сектантам – последователям Христа, пришедшим нарушить многовековое спокойствие, в котором почивал Рим, – владыкой и повелителем вселенной была объявлена жестокая война. Ее начали писатели и ученые, которые осуждали христиан за их предполагаемые преступления.

Глава и законоположник христианской церкви Иисус Христос в царствование Тиберия был подвергнут по повелению Пилата позорной смертной казни.

Не станем касаться тех наветов, которые распространялись относительно христиан. Тем не менее именно эти клеветнические обвинения дали Нерону возможность отклонить от себя обвинения в поджогах Рима.

Всем известно, что не кто другой, а он сам был виновником того ужасного пожара, который в продолжение шести дней свирепствовал в Риме с такой ужасающей силой, что из четырнадцати кварталов, составлявших этот громадный город, остались целыми и невредимыми не более четырех.

И вот Нерон, театрально воспевавший при свете пламени, в одежде комедианта падение Трои, не постеснялся впоследствии свалить всю тяжесть обвинения в поджогах на ни в чем не повинных и беззащитных христиан.

Такова была действительная единственная причина первого гонения на христиан.

По словам Тацита, для христиан, уже давно считавшихся ненавистными за их предполагаемые преступления, изобретались самые ужасные мучения. Попытки и истязания были столь нестерпимы, что даже в палачах пробуждалось чувство сострадания к своим жертвам. Этих несчастных распинали на крестах; одевали в шкуры диких животных и отдавали на растерзание псам, сжигали на кострах. По вечерам они горели в садах Нерона, облитые смолой, служа факелами для освещения гулявшей публике.

Во время этого ужасного гонения пострадали святые апостолы Петр и Павел. Апостол Павел был усечен мечом по праву римского гражданина. Апостол Петр умер на кресте, на

котором был распят вниз головой. Он просил повесить себя так, потому что не считал себя достойным быть распятым таким же образом, как и его Божественный Учитель.

Оба апостола были замучены в один и тот же день (29 июня 66 года после Р. Х.). Апостол Павел был погребен на пути в Остию. В последующие века на месте его погребения была воздвигнута великолепная базилика его имени, просуществовавшая до 1823 года, когда она была уничтожена пожаром. В настоящее время она вновь восстановлена.

Несмотря на жестокое гонение, направленное против христиан, и на смерть двух выдающихся представителей церкви Христовой – апостолов Петра и Павла, число последователей новой веры возрастало с поразительной быстротой.

Преемником апостола Петра был епископ Лин, который управлял римской церковью в продолжение двенадцати лет. Его заменил Клет, или Анаклет, уроженец Афин, ученик Петра, обращенный им в христианство и занимавший с 78 по 94 год римскую кафедру. Четвертым епископом был святой Климент Римский.

Сам Климент свидетельствовал о себе, что он по происхождению еврей, хотя это справедливо лишь относительно его матери, а отец его, Фаустин, как известно, был по рождению римлянин.

Есть предположение, что он происходил из рода Флавиев, столь многочисленного в Риме в описываемую эпоху, из которого происходил и кесарь Веспасиан.

По этому предположению, более чем вероятно, Климент был одним из родственников императора Домициана, который сам был верховным жрецом, сосредоточившим в своем лице всю мощь язычества.

Столица мира, лишенная всякой живой веры, постепенно сделалась центром всевозможных философских систем и самых разнообразных и совершенно противоположных друг другу религиозных учений; Египет дал Риму свои полные тайн божества, Халдея прислала туда своих предсказателей и астрологов. Влияние авгуров и прорицателей по внутренностям жертвенных животных уже значительно ослабело.

Вместо слепой веры в народе стало зарождаться к ним презрение. Из отдаленных стран Востока Аполлоний Тианский занес философию браминов, прорицания магов, теории индусских философов, которых он посетил в Верхнем Египте и в Эфиопии. Впрочем, дыхание Востока коснулось Рима уже и раньше, так как уже давно жрецы во время торжественных жертвоприношений стали появляться во фригийской тиаре, окруженные всей жреческой пышностью Армении.

Совсем недавно Иосиф, взятый в плен Веспасианом, возбудил народное любопытство своими многочисленными сочинениями об иудейских древностях.

Галлы и Германия через своих представительниц Велледу и Ганну занесли верования своих стран.

Наконец на горизонте появилось христианство с сонмом апостолов, первых мучеников и святых жен, слово которых было назиданием, каждое действие и вся жизнь – примером.

Что же такое представляла из себя древняя религия Рима среди этого бесконечного разнообразия всевозможных культов и какой степенью уважения продолжала она еще пользоваться со стороны своих прежних последователей?

По-видимому, божества пользовались прежним почетом и призывались так же часто, как и раньше.

Храмы продолжали стоять на своих местах, и их великолепные монументальные залы по-прежнему открывались для совершения общественных и всенародных жертвоприношений. Разряды богов оставались те же. Следующие боги Рима считались основателями и хранителями государства: Юпитер, Юнона, Минерва, Веста, Церера, Нептун, Венера, Вулкан, Меркурий, Аполлон и Диана. Другие боги, как, например, Сатурн, Реа, Плутон, Вакх и прочие, считались низшими божествами.

В каждом доме имелись пенаты, каждый домашний очаг имел своих ларов-хранителей.

Верховные и простые жрецы исполняли свои обязанности и побуждали народ придерживаться религии предков. Весталки бодрствовали, они непрерывно поддерживали священный огонь, зажженный некогда Енеем и возобновлявшийся ежегодно в мартовские календы при посредстве солнечных лучей. Агоналии (январские праздники, сопровождавшиеся играми), фауналии (празднества в честь Фауны), луперкалии (празднества в честь бога Луперка) и другие большие и малые праздники и мистерии, отмечавшиеся в календарях, совершались своевременно с подобающей торжественностью и обрядами.

А между тем в сердцах не было никакой веры, и только привычку, издавна укоренившуюся, трудно было изменить и тем более уничтожить. Рим до такой степени был переполнен статуями всех почитаемых богов, что Петроний был прав, говоря, «что в этом городе с тремя миллионами жителей легче встретить бога, чем человека»; но граждане совершенно равнодушно проходили среди этой бездушной толпы, не останавливая на них взгляда.

Уже приближался век, когда Цицерон в сочинении «О природе богов» осмеивал все проявления грубой, языческой религии, утверждая, что нет ни одной беззубой старухи, которая опасалась бы еще гнева Олимпа и не смеялась бы над ничтожными громами его вымышленных богов.

Философы и математики продолжали дело разрушения религии.

Было очевидно, что всеми забытая древняя религия нуждалась в обновлении. Возникал лишь вопрос, какая же именно из существующих религий способна оживить это умирающее общество и привлечь к себе сердца народа.

Подобно тому как иногда среди ночной тьмы заблудившийся путник поднимает глаза к небу, чтобы найти там звезду, которая могла бы направить его на истинный путь, так точно и взволнованный Рим искал для себя путеводную звезду, искал свет, который бы открыл ему новые горизонты. И вот этот свет, так горячо всеми ожидаемый, засиял среди окружающей тьмы и хаоса.

И странное дело, несмотря на преследования и насмешки, которые возбудила против себя новая религия, именно она послужила тем светочем, к которому обратились сердца и помыслы всего народа.

Толпа оставляла свою отжившую религию не для того, чтобы променять ее на учение Аполлония Тианского или других проповедников, суливших своим последователям всевозможные соблазны; нет, она шла за Христом, хотя и знала, что на этом пути ее встретят всевозможные испытания и лишения.

У писателей, поэтов и историков того времени мы находим неоспоримые доказательства неотразимого тяготения римского народа к христианству.

В ряду других событий можно указать на случай с Веспасианом. Когда он не был еще императором, многие прорицатели сулили ему блестящую будущность до императорской короны включительно. Однако этим предсказаниям он придал значение лишь после того, когда получил от служителей Иеговы ответ, что, как бы ни были честолюбивы его замыслы, как бы ни были дерзновенны его желания, он увидит их осуществление.

По общему убеждению, пришедшие с Востока, то есть евреи, или, вернее, христиане, должны были со временем сделаться господами положения.

Под влиянием этих обстоятельств Домициан стал очень беспокоиться за прочность своего владычества и за будущее Рима.

Бросая испуганные взгляды вокруг себя, Домициан видел, что христианство теснит его со всех сторон. Народ в своих рядах насчитывал бесчисленное множество последователей Христа; легионы были ими наполнены; дворец императора и даже его собственное семейство не в состоянии были оградить себя от проникновения к ним этой всепокоряющей «секты».

В виду сего Домициан признал своевременным позаботиться о восстановлении древнего культа. Он учредил новые праздники и себя самого отдал под покровительство Минервы, богини оружия и мудрости. Но в то же время он дал Риму пример крайнего безумия и богохульной дерзости. Он объявил себя богом и пожелал, чтобы в храме Юпитера Капитолийского была выставлена для чествования его золотая статуя.

Народ вознегодовал, узнав, что внук простого поденщика дерзнул приравнять себя к божествам, служившим предметом старинного поклонения. После этого он еще лучше уяснил себе все величие христианства, где понятие о Боге вечном, бесконечном и едином делало невозможным такое безумное присвоение имени со стороны простого смертного.

Это беспокойство Домициана, невероятная дерзость его безумной прихоти, его попытки к восстановлению религии в свою очередь послужили основанием для развития некоторых событий.

Движимый страхом перед потомками Давида, которые должны были, как ему казалось, явиться разрушителями его империи, Домициан отправил в Иудею одного военачальника, уполномоченного разыскать и привести в Рим потомков этого ненавистного ему рода.

Затем, чтобы предложить народу грандиозное и ужасное зрелище, которое переносило бы его к самым отдаленным временам истории Рима, он задался целью уличить великую весталку в таком преступлении, которое позволяло бы приговорить ее к смертной казни со всеми ужасами обстановки приготовления к наказанию, назначаемому виновным девственницам за нарушение обета. Наконец, заподозрив в христианстве членов своей семьи, этот убийца своих двоюродных братьев желал обрушиться на них всей своей яростью, дабы предложить оскорбленным божествам кровавое искупление.

Таковы были намерения императора, когда он уезжал из Рима для окончания войны с дакийцами.

Нечего поэтому удивляться, что бесчестные доносчики прилагали все усилия, чтобы дать пищу ненасытной жестокости Домициана. Задача Марка Регула состояла в том, чтобы проследить за Флавием Климентом и его женой Флавией Домициллой, не состоят ли они в числе последователей Христа. Кроме того, он же старался найти улики против великой весталки, чтобы обвинить ее и ее сообщника Метелла Целера.

Домициан придавал тем большее значение обвинению великой весталки в бесчестии, что он раскаивался в упущении подходящих случаев, имевших место в начале его царствования и представлявших ему прекрасный повод придать суровый урок жрицам Весты за нарушение обетов девственниц.

И вот услужливый исполнитель предначертаний Домициана Марк Регул для своих гнусных целей доносчика подкупил Дориду, прислужницу божественной Аврелии, а из разговора с Палестрионом выуживал сведения об отношениях Метелла Целера и великой весталки.

Однако в тот момент, когда, по расчетам Регула, его цель была почти достигнута, в жилище божественной Аврелии появляется купленная ею на рынке рабыня, и с этого момента история принимает совсем другой оборот.

Часть вторая Невольница

І. Сватовство могильщика

За несколько месяцев до описываемых событий произошло одно немаловажное обстоятельство в цирюльне брадобрея Евтрапела, о котором нельзя не упомянуть.

Евтрапел не любил торопиться, а брил щеки и подбородки своих клиентов с чувством, с толком и с расстановкой. Поэт Марциал сочинил по этому поводу не лишнее остроумия четверостишие:

Он больше говорит, чем бреет...
Но так ведь много в том вреда!
Одну щеку обрить успеет,
А на другой – уж борода.

Цирюльня Евтрапела была одной из образцовых и наиболее посещаемых в Риме заведений подобного рода. Цирюлен в Риме было очень много, так как заботливость римлян о внешности возведена была в культ.

Особенной приманкой для посетителей цирюльни Евтрапела была говорящая сорока, которая умела подражать человеческой речи, реву животных и даже звукам музыкальных инструментов. По особому знаку хозяина она тотчас же произносила целую похвальную речь императору Домициану. И Евтрапел никогда не упускал случая дать ей этот знак, когда клиент его был сенатор, верховный жрец или даже всадник. Толпа щеголей всех званий и сословий наполняла цирюльню счастливого брадобрея, и надо сказать, что умная птица немало способствовала его славе, хотя и вполне заслуженной им самим.

Матроны, законодательницы мод и красоты, никогда не проходили мимо этой лавочки без того, чтобы не остановить перед ней свои носилки, возок или те изящные, украшенные шелком и запряженные быстроходными конями колесницы, которыми они правили сами.

Щеголи не знали более ловкого брадобрея. Никто лучше его не мог завить волнистые кудри или выжечь легкий пушок на щеках, руках и ногах. Его пемза была так мягка, что сообщала коже лоск слоновой кости. Сестерции так и падали в его денежный ящик, увеличивая богатство предприимчивого брадобрея.

Выходя из цирюльни Евтрапела гладко выбритым и раздушенным, всякий щеголь мог спокойно показаться и в портиках, и на площади, или Аппиевой дороге с тем отпечатком изящества и изысканного вкуса, который всегда привлекал взгляды, вызывая зависть и восхищение.

Для женщин у Евтрапела находились те тысячи тонкостей дамского туалета, которые было так необходимы каждой красавице, которые бесполезно было бы искать в других местах.

Только у Евтрапела можно было найти парики всех оттенков, от белокурого до жгучего цвета черного дерева. Ремень из белой и тонкой кожи, узко обтягивавший изящную ножку женщины в нежной обуви, был белее и тоньше у Евтрапела, чем у других брадобреев. Ягоды плюща, кассии и мирры делали дыхание приятным.

Поблекшая кокетка иной раз обращалась к Евтрапелу, чтобы восстановить какими-либо мазями или красками отсутствующие брови и блеск уже тусклого взора, и все тогда говорили,

что сама Венера будто позаботилась провести тонкую и черную линию, которая придавала оттенок цвету и свежесть лицу.

Все эти заботы Венеры о красоте представительниц «прекрасного пола» хранились, однако, в алебастровых и оловянных сосудах Евтрапела, который продавал их на вес золота, строго оберегая себя от подражаний со стороны любителей наживаться за счет недостатков ближнего.

Храмы Венеры реже посещались римлянками, чем лавка Евтрапела, которая была совсем не хуже тех же храмов, откуда можно было выйти лишь с одними надеждами. А этого было слишком недостаточно.

У Евтрапела, впрочем, были и недостатки, не как у мастера, а как у человека.

Он был нагл, тщеславен и болтлив, каким не был ни один брадобрей в Риме. Если бы вы имели несчастье ему не понравиться, то он не станет и возиться с вами, а пошлет вас к Пантагату, одному из его соперников, которому Марциал посвятил надгробную надпись в стихотворной форме, к Корацину, Харидему, Бакарру или еще лучше к Филиппу или Калпетину, брадобреям более или менее известным, но у такого знатока, как Евтрапел, вызывавшим лишь улыбку на устах и заставлявшим его пожимать плечами, как только заходила речь о них в его присутствии.

Если, наоборот, ваша особа ему нравилась, было и того хуже!

Все городские слухи, все политические новости, сплетни о рождении, свадьбе, разводах, похоронах, подробные известия об играх и, наконец, даже плутни рабов и подлоги барышников – все это он передавал нам с такой поспешностью и увлечением, что не было никакой возможности сдержать потока его слов.

Евтрапел излагал все это с большей подробностью, чем любая газета, и всегда с особенным удовольствием старался доказать свою осведомленность. Эпиграмма Марциала оказывалась справедливой в буквальном ее смысле.

Поэт с присущим ему юмором изобразил Евтрапела, застав его, по всей вероятности, в один из моментов такого наплыва неистощимой говорливости.

У Евтрапела, с виду столь веселого, откровенного, общительного, была своя тайна, которая, пожалуй, и отравляла иногда существование цирюльника, жившего открыто и нисколько не стеснявшегося посторонних взглядов. Под вечер, когда в цирюльне, казалось, стоял еще дневной шум и слышны были разговоры, Евтрапел удалял обыкновенно своих помощников брадобреев, всех этих выщипывателей волос, торговцев духами и сильную сирийку, единственную женщину-рабыню среди холостых людей, и оставался один.

По какому-то условленному знаку в цирюльне являлся таинственный посетитель, который лишь далеко за полночь оставлял Евтрапела и прекращал с ним длинные разговоры.

Но на какую тему? Кто он и о чем они беседовали во время этих ночных свиданий?

Заинтересованные соседи Евтрапела, несмотря на все свои усилия, не могли ничего открыть и разузнать о тайне цирюльника.

Евтрапел и незнакомец и теперь сошлись, по своему обыкновению, в наиболее отдаленном месте цирюльни и говорили вполголоса. Снаружи под окном послышался какой-то шум. Лица брадобрея и посетителя выразили беспокойство, которое, однако, вскоре исчезло, так как звук голоса показался Евтрапелу хорошо знакомым. Этот шум сопровождался несколькими отчетливыми ударами в стенку лавки, и чей-то голос усердно звал его: «Евтрапел! Евтрапел!»

– Это Гургес, могильщик, – сказал незнакомцу брадобрей. – Он принес мне некоторые нужные вещи. Пройди, Регул, в соседнюю комнату. Я с ним быстро кончу наше дело.

Регул скрылся, а Евтрапел побежал открыть дверь тому, кого он назвал Гургесом, но, увидав его, он был поражен его расстроенным видом и беспорядком в его одежде.

– Где же заказанные тебе зубы и волосы? – воскликнул брадобрей, как хороший торговец подумавший прежде всего о досадных последствиях неисполнительности могильщика.

Этот последний ничего не ответил, но бросил к ногам Евтрапела шесть париков с длинными, великолепными волосами и горсть зубов. Весь товар только сейчас был извлечен из могил. Зубы рассыпались по полу.

– Молодец, Гургес! – воскликнул восхищенный брадобрей. – Клянусь Венерой! Ты составляешь гордость могильщиков! Геллия, Лезбия, Марцелла, Лидия, Филлис и другие именитейшие матроны, вы будете очарованы видом этих чудных кос! А тебе, Веститулла, какой восхитительный ряд зубов я поставлю между твоими пурпуровыми губками!.. Но что с тобой, мой бедный Гургес?

– Евтрапел, мне необходимо поговорить с тобой, – произнес Гургес мрачно, но с твердостью в голосе.

– Невозможно, дорогой Гургес, теперь невозможно, – возразил Евтрапел, вспомнивший о присутствии Регула.

– Я говорю, что мне нужно поговорить с тобой, и я не уйду отсюда, – почти с гневом проговорил могильщик. – Этот момент наиболее удобен.

– Говори же, Гургес, но скорее, так как поздно и я могу тебе уделить немного времени, – ответил брадобрей. Он видел, что для него нет другого средства избавиться от могильщика, как только выслушать его, и надеялся, что разговор не будет продолжительным.

Отношения Гургеса к Евтрапелу трудно определить; оба они были друг другу нужны. Евтрапел, очевидно, нуждался в этих волосах для устройства столь сложных и удивительных причесок, которыми римские матроны прельщали своих патрициев, и зубов для исправления челюстей, которые они доверяли его искусству. Евтрапел один только мог снабдить их этими предметами первой необходимости. Могильщик под его руководством скальпировал мертвецов и вынимал у них челюсти с искусством, с которым могут только соперничать дикари нашего времени. Это, впрочем, был промысел, которому не покровительствовал триумвир города; поэтому приходилось избегать стражей, назначенных исключительно для наблюдения за гробницами и неприкосновенностью мест погребения.

Знали ли римские матроны происхождение этих волнистых волос, приглаженных на их лбах или поднятых в виде гнезда вперемежку с жемчугом опытной рукою их рабов или прислужниц? Этот вопрос мог быть решен только отрицательно, ибо Евтрапел был слишком вежлив и исключительно тонок в обхождении, чтобы обеспокоить своих любезных посетительниц такими открытиями.

Как бы то ни было, но Гургес не принимал в расчет неохоту Евтрапела выслушать его и в ответ на его приглашение расположился как можно удобнее, приготовившись вести длинный разговор.

– Евтрапел, – начал он торжественно, – ты знал о моем намерении сочетаться браком с Цецилией, той небольшого роста девушкой, которая живет со своим отцом недалеко от большого цирка. И вот, клянусь парками, этот брак расторгнут!

– Быть не может, дорогой Гургес, быть не может! – воскликнул брадобрей, повторяя свое любимое выражение. – Что за смысл? Неужели добряк Цецилий...

– Добряк Цецилий не мог помешать моему браку: он мне должен десять тысяч сестерций, но она сама не желает.

– Разве она когда-нибудь желала?

Гургес, казалось, нашел этот вопрос весьма нелепым.

– Не будем спорить, – возразил он, – желала ли она или не желала. Дело не в этом...

– Итак, дорогой Гургес, как же в таком случае поступить? – заметил Евтрапел, который спешил поскорее закончить разговор.

– Как поступить? Что делать? Разве это ответ, Евтрапел, когда доверяют тайну другу? Но, беззаботный цирюльник, разве ты не видишь, что мои десять тысяч сестерций потеряны,

ибо у Цецилия нет ни одного асса! А главное, не в этом дело! Она любит другого!.. Нет! – воскликнул он, ударяя по столу кулаком. – Это кончится плохо.

Гургес был возбужден...

Брадобрей стал терять терпение...

Гургес произнес сквозь зубы:

– Да! Ты христианин, еврей... и ты не желаешь более видеть меня! Я...

Неожиданный шум в соседней комнате, как бы от прыжка изумленного человека, прервал Гургеса на полуслове.

– Евтрапел, мы не одни? – спросил могильщик.

– Совершенно одни, дорогой Гургес, – поспешил ответить Евтрапел. – Это вода льется в ванну. Итак, если ты хочешь, чтобы я тебя понял, начни сначала!

– Это было бы слишком долго, тем более если ты торопишься... Впрочем, я постараюсь быть кратким.

– У меня всегда найдется несколько часов к услугам моих друзей, – заметил Евтрапел. – Я слушаю, дорогой Гургес.

Могильщик начал:

– Немного менее года тому назад Цецилий, бывший до того скрибой (то есть писцом) в казначействе Сатурна, был назначен сборщиком податей. Он собирал подати с этих проклятых евреев у Капенских ворот... чтоб их поглотил ад! Цецилию пришлось поселиться в том же квартале, и мой отец ему отдал внаем наш маленький домик у большого цирка. Тебе известно, что Цецилий, который беднее Терсита, никогда не переложил из своего кошелька в наш ни одной сестерции, напротив, мои сестерции растратил... Но не будем забегать вперед... Цецилий уже несколько лет тому назад овдовел; у него единственная дочка, неблагодарная Цецилия!

Тут могильщик вздохнул несколько раз и воскликнул:

– Каждый день я ее видел по пути в храм Венеры или у окна ее кубикулюма. Я оказывал ей знаки сердечной привязанности, на которые она отвечала поклоном... Цецилии, дорогой Евтрапел, семнадцать лет. Она так прекрасна, что ни одна из твоих матрон не может выдержать с ней ни малейшего сравнения... Впрочем, ты видел и знаешь, что я нисколько не преувеличиваю.

Евтрапел счел долгом поклониться в знак согласия.

Гургес продолжал:

– Я решил жениться на Цецилии. Отец мой отговаривал меня ввиду того, что у нее не было приданого. Но я ему доказал, что все бедствия брачной жизни происходят из-за приданого, и он уступил. Притом же известно, что могильщики почему-то с трудом находят женщин, которые пожелаю бы выйти за них замуж.

Могильщик еще раз вздохнул.

– Заручившись согласием своего отца, – продолжал он, – я пошел к Цецилию. Ты видишь, Евтрапел, что я вел себя достойно... Я говорил о законном браке, который дает супруге название матроны... Мое будущее достаточно хорошо, наше состояние довольно значительное. Цецилий принял мое предложение с восторгом.

– А Цецилия, что она сказала на это? – осмелился спросить Евтрапел.

– Цецилия не ответила ничего, – признался могильщик.

– Надежда невелика, – заметил Евтрапел.

– Дорогой брадобрей, женщины никогда не отвечают в подобных случаях, – проговорил Гургес с некоторым самохвальством.

– Положим, что так, – сказал Евтрапел. – Но продолжай.

– Время – великий наставник. Я возложил на него задачу смягчить эту непокорную волю. Цецилий взял у меня в долг некоторую сумму и, казалось, позабыл, что был жильцом в доме у моего отца... Да, в надежде, что Цецилия склоняется более и более к благоприятному ответу и

что вскоре он назовет меня своим зятем, я ссудил ему довольно крупную сумму денег. Евтрапел! Это мерзость, гнусное воровство! – воскликнул Гургес, в котором воспоминание о его десяти тысячах сестерций всегда вызывало неудержимую ярость.

– Дорогой друг, – сказал Евтрапел, – Ювенал одному из друзей, находившихся в таком же, как и ты, положении, посвятил для его утешения прекрасное послание. Нужно читать поэтов, Гургес: они лучше нас умеют лить бальзам на раны...

– Наконец, – прервал его могильщик, – я был в упоении. Хотя, сказать по правде, дело вперед не двигалось, но это не мешало мне распространять повсюду слух о предстоящей моей свадьбе, так как мне казалось невозможным, чтобы Цецилия могла воспротивиться данному отцом обещанию. Ведь я и тебе тоже доверял свои планы и надежды.

– Конечно, Гургес, я помню. Но среди всех этих мелких подробностей, мне кажется, ты упустил из виду одну весьма существенную вещь.

– Что такое, дорогой брадобрей?

– Нужно получить ответ у Цецилии.

– Этого мне не надобно, Евтрапел; но я предвижу ответ, что мое имя Гургес ей не нравится, а мое ремесло могильщика – еще менее.

– Тогда, дорогой друг, дело потеряно.

– Молодые девушки так капризны, Евтрапел! Они сожалеют на другой день о том, отчего отказались накануне.

– Пожалуй, но ради благоразумия надо беречь свои сестерции.

– Они уже отданы, дорогой Евтрапел.

– Цецилия знает об этом?

– Вовсе нет. Занимая в долг, Цецилий всегда мне говорил: только не говори ничего дочери. Когда я хотел сделать Цецилии несколько ничтожных подарков, она отослала мне их обратно, сказав, что она ничего не желает от меня получать.

– Но, – сказал Евтрапел, желавший направить разговор на заинтересовавший его предмет. – Ты упомянул о евреях и христианах. Что это значит?... Не играют ли они какой-нибудь роли в твоей неудаче?

– Без сомнения, – возразил Гургес, – это и есть начало конца! Негодные!.. Вот как происходило дело... Для Цецилия мой брак на его дочери был очень приятен. Он видел в нем верный покой для себя на старости лет. Вот почему он непременно хотел пристроить Цецилию, которую он сам называл нечестивой, испорченной и которая, по его словам, впала в новое и позорное суеверие. Наконец, Цецилий боится за свое место, если раскроется ее нечестие. Ты понимаешь, Евтрапел?

– Совершенно! Но к делу, Гургес, к делу! Переходи скорей к событию.

– Я перехожу, Евтрапел! Но чтобы объяснить все дело, нужно войти в описание стольких подробностей!.. Впрочем, это недолго... Вот разговор, какой был у меня вчера с Цецилием. Придя в отчаяние от промедления, я пошел вчера утром отыскивать Цецилию.

«Твоя дочь здесь?» – сказал я ему, чтобы начать разговор.

«Нет, Гургес, она ушла на форум писториум (хлебный рынок)».

«Цецилий, знаешь ли ты, что твоя дочь почти никогда не остается в квартире во время твоего отсутствия? Куда она уходит?»

«Дорогой Гургес, она почти каждый день бывает на Палатине у одной матроны высокого происхождения, которая ей покровительствует, зовут ее Флавия Домицилла».

«Что, Евтрапел, мы здесь не одни?» – прервал Гургес, который снова услышал шум в соседней комнате. – Нужно, чтобы...

Могильщик поднялся, чтобы найти причину шума, но Евтрапел заставил его снова присесть, утверждая, что это из фонтана время от времени течет вода.

– «Ты уверен в этом?» – говорю я Цецилию, – продолжал Гургес, которого, казалось удовлетворило объяснения брадобрея.

«Совершенно, Гургес. Дочь мою провожает туда старая женщина по имени Петронилла, которая обитает здесь, у Капенских ворот. Что же делать? Моя обязанность заставляет меня отлучаться на целый день, а Цецилия нуждается в некотором развлечении, у нее ведь нет матери!»

«Без сомнения, – заметил я, несколько успокоенный. Потом прибавил. – Ну хорошо, Цецилий, но она не решится ни за что?»

«Да, Гургес, у меня есть опасения, что она решительно не думает о том, о чем я ей твержу каждый день».

«Это, очевидно, от того, что она недостаточно размышляла о браке. Цецилий, мне в голову пришла одна мысль... Нужно поставить к ней в кубикулюм статуэтку бога Иугатина, покровителя брачной жизни».

«Это чудная мысль, дорогой Гургес! У тебя есть этот божок?»

«Я его купил вчера на Триумфальной дороге...»

И я показал Цецилию статуэтку маленького божка, которую я держал под туникой... Она была позолочена, увенчана цветами, украшена желтыми повязками (цвет бога Гименея).

«Не выполнить ли нам сейчас же этот замысел? – прибавил я. – Цецилия, войдя к себе, увидит божницу, и, может быть, маленький божок подействует, она поймет, что никто другой не оказал бы ей такого нежного внимания».

«Ничего нет легче, дорогой Гургес!.. Нужно только поспешить, потому что Цецилия не замедлит вернуться к завтраку».

Мы входим в спальню Цецилии, – продолжал Гургес, – мы проникаем в это святилище, вход в которое до того времени был воспрещен.

Здесь могильщик хотел отдать отчет во всех своих впечатлениях, но Евтрапел прервал его:

– Гургес! Гургес! – сказал он ему участливо. – Поздно, дорогой друг! Я понимаю тебя, но давай короче. Что же произошло?

– Не успели мы еще закончить нашего замысла, как послышался голос Цецилии, подобный звуку Филомели. Она поднималась в свою спальню. Ее отец и я быстро удалились, так как не желали, чтобы она нас видела. Ах! Евтрапел, как рассказать мне?

– Мужайся, Гургес, мужайся! – сказал брадобрей. – Мы подходим к самой катастрофе.

– Евтрапел! Входя, Цецилия заметила божка, покровителя брачной жизни. Мы услышали следующие невероятные слова: «Идол находится в моей комнате». И в ту же минуту выброшенный в окно божок разбился на мелкие куски на плитах дороги!

«Дочь моя! Дочь моя! Что ты делаешь? – воскликнул Цецилий, который, видимо, хотел помешать ей это сделать. – Несчастное дитя! Это святотатство!»

«Ах! Отец мой! Ты здесь? И Гургес тоже? – сказала она, глядя на меня. – Я понимаю... Но пусть будет так. Минута, впрочем, наступила мне открыться... Отец мой, я христианка, и, как христианка, я должна была поступить так, как поступила! Гургес, – прибавила она, оборачиваясь ко мне, – отступись от своего желания жениться на мне, я не могу быть твоей супругой».

Я был уничтожен, – продолжал могильщик. – Если бы я прожил столько лет, сколько Нестор, и тогда этот момент никогда не изгладился бы из моей памяти! Цецилия была спокойна, ясна и так величественна, но в то же время так непреклонна в своем решении, что я не мог найти ни одного слова, чтобы ее уломить. Что же касается Цецилия, его гнев не поддавался описанию. Он проклял свою дочь, и я вынужден был его остановить, так как он хотел броситься на нее! Но он поклялся, что или Цецилия откажется от гнусного суеверия, или он обратится к помощи всех законов и жестоко поступит с нею. Несчастный предвидел нищету

и бесчестье. Как отцу христианки, ему, без сомнения, откажут от места, а эта работа – единственное, что его поддерживает!

«Ах, Цецилия, – воскликнул он, когда прошел первый порыв горести, – это евреи у Капенских ворот тебя похитили у меня! Я должен был следить за тобой и не давать тебе видеться с Петрониллой!»

Это было для меня лучом света. Я вышел, чтобы схватить всех соучастников этого гнусного заговора, которые похитили дочь у своего отца и благодаря которому я лишился единственного столь желаемого блага! Я знаю все, Евтрапел! И это совершенная правда! Цецилия – еврейка! Эта старая женщина, которую зовут Петрониллой, ее соблазнила! Она и могущественная матрона, Флавия Домицилла, родственница императора! Они увлечены этим суеверием. А я не более как Гургес, могильщик, ненавидимое, посрамленное, брошенное на произвол судьбы существо, заплатившее за свой позор десять тысяч сестерций! О мщение! О фурии!.. Что же делать, Евтрапел?

Могильщик находился в состоянии мрачного уныния.

Евтрапел, казалось, был в раздумье.

– Дорогой Гургес, – сказал он наконец, – это дело очень важное, но я приду к тебе на помощь, будь уверен. Тем не менее мне понадобится несколько дней. Я знаю средство. Должно употребить его благоразумно ввиду того, что здесь замешана Флавия Домицилла... А теперь пока окончим... Наступила ночь... Возвращайся домой и предоставь мне позаботиться о твоём отмщении.

Брадобрей так умел проникать в душу, что Гургес не сомневался встретить в нём могущественного помощника.

Когда Гургес вышел, Евтрапел тщательно закрыл за ним дверь и вернулся к Регулу.

– Ну что, сударь! – сказал он ему.

– Клянусь Геркулесом, Евтрапел, это чудный случай. Во-первых, я напал на след этих христиан, которые так сильно беспокоят божественного Домициана. Эта девушка будет очень полезна. Через нее мы узнаем обо всем.

– Ты уже составил план?

– Без сомнения, Евтрапел. Когда я вас слушал, мне пришли в голову некоторые мысли. Прежде всего, однако, нужно уплатить могильщику десять тысяч сестерций и получить от него обязательства Цецилия. Таким образом я буду держать его в своих руках. Завтра у тебя будет нужная сумма, и ты устрой эту передачу. Впрочем, я подумаю, не лучше ли будет для пользы дела привлечь третье лицо. Я тебе дам знать. Прощай.

И Регул, выйдя из лавки, исчез в глубоком мраке улиц Рима.

II. Грот в Либитинском лесу

Цецилий был престарелый вольноотпущенник, купивший себе свободу на деньги, скопленные им ежедневными сбережениями от порции хлеба, выдававшейся рабам их господами. Тем не менее он был римским гражданином, так как ему даровали полную свободу, которая приравнивала вольноотпущенника в правах с бывшими их господами. После сорока лет, проведенных в рабстве, Цецилий жил теперь в Риме как свободный гражданин и мог приобрести себе независимое положение, однако долгое время и при своем новом положении он встречал только нищету и грубые испытания – удел слабых членов общества, не знавшего сострадания к ближнему, добродетели христианской, непонятной язычникам.

Правда, богачи предлагали бедным иногда помощь в виде милостыни (хлеб или испорченная провизия), но эта милостыня не носила христианского характера, то есть предлагалась не ради любви к ближнему, а, наоборот, с целью унижить бедняка и поставить его в постоянную зависимость от подающего. Помощь эта была тем более унижительна для просивших, что выдавалась им через номенклаторов – лиц, громко по имени вызывавших только тех из собравшихся перед домом патрона бедняков, которым он хотел оказать помощь.

В качестве вольноотпущенника Цецилий оставался клиентом своего прежнего господина и имел возможность пользоваться подачками, играя роль льстивого прихлебателя, которая таким образом доставляла ему скудные средства к жизни. При таких условиях душа, в которой рабство затмило образ Божий, удаляется от поставленного ей Богом идеала и делается неспособной к восприятию чувства человеческого достоинства. Цецилий, будучи свободным и гражданином по имени, был рабом в душе. Этот человек, чтобы удовлетворить свое самлюбие, жертвовал, если это было нужно, самыми священными предметами своей любви; и для того чтобы воспользоваться радостями жизни, к которым он чувствовал пламенную жажду, он не остановился бы ни перед каким низким и преступным деянием. Способ, которым он поддерживал надежду в Гургесе, и займы, делаемые им в свою пользу с обещанием вынудить согласие дочери на брак с Гургесом, дают достаточное представление читателю о его характере.

Как бы то ни было, одно необычайное обстоятельство дало Цецилию случай быстро и значительно улучшить свою судьбу. Ему удалось спасти консула Афрания Декстра, защитив его от покушавшегося на его жизнь его вольноотпущенника. В знак признательности консул женил своего избавителя и дал ему достаточно доходную должность сcribes в казначействе Сатурна.

Спустя некоторое время после его женитьбы у них родилась дочь Цецилия. Детство ее протекало почти в одиночестве. Ее мать умерла, не имея возможности наблюдать за первыми годами своей дочери, а отец по своим привычкам, нраву и характеру не обладал той самоотверженностью и нежной заботливостью, которых требует воспитание молодой девушки. Но боги, как говорили наивно некоторые лица из друзей их семейства, покровительствовали Цецилии: все восхищались ее действительно поразительной красотой и тем, что дороже еще оценивалось, – тонким умом, исполненным живости и чистосердечия, и вообще всеми дарованиями, которыми отличаются избранные натуры.

Назначение ее отца сборщиком податей и переезд их в дом могильщика доставили ей много огорчений. Ежедневно она была свидетельницей той чуждой сострадания жестокости, с которой взыскивались подати с несчастных обывателей квартала у Капенских ворот.

«Зачем мой отец принял эту должность!» – думала Цецилия с горечью.

Много раз и, конечно, бесполезно она пыталась убедить отца отказаться от этой должности или, по крайней мере, внушить ему большую снисходительность к людям.

Ухаживания Гургеса вскоре стали для нее новым источником скорби. Происходило это вовсе не оттого, что она отгоняла всякую мысль о браке. Напротив, часто в своих мечтах моло-

дая девушка мечтала видеть рядом с собой любимое существо, которое должно украсить ее жизнь. Самые дорогие ее сердцу божества были не один раз призываемы из-за этого неведомого человека, и она с простодушием надеялась, что благодаря своему благочестию она удостоится его увидеть внезапно. Но появление Гургеса в похоронной тоге не заключало в себе ничего соблазнительного. Цецилия не оказывала ему ни малейшего внимания, а позже, когда он сделал предложение, ее нежная натура возмутилась от одной мысли об этом браке, который казался ей ужасным.

Вскоре произошло событие, которое наполнило ее душу совершенно новыми чувствами.

Однажды вечером она пришла провести несколько минут возле ложа бедной женщины, страдавшей жестокой болезнью. Она окружила ее своей заботой и даже приносила ей пищу. Это была несчастная еврейка. Но молодая девушка видела только ее одиночество и ее горе, совершенно не обращая внимания на разницу вероисповеданий.

– Будь благословенна за твои заботы о моей матери и облегчение ее страданий в то время, когда сын ее был вдали!

Молодая девушка обернулась. Молодой человек в хитоне «сагум» (в военном плаще), в латах, со щитом и шлемом с серебряным украшением наклонился над ней, почти обдавая ее своим дыханием. Цецилия вздрогнула и отшатнулась. Потом она, покраснев, опустила глаза, не будучи в состоянии объяснить себе присутствие этого незнакомца. Старуха поднялась со своего ложа; она заключила в объятия молодого человека.

– Это мой сын! – воскликнула она. – Сын мой, вернувшийся ко мне! О да, дорогой Олинф, благослови это дитя, ибо без нее ты бы никогда не нашел своей матери!

В этот момент до них донеслись какие-то таинственные голоса, напевавшие религиозные мотивы.

Олинф некоторое время оставался в раздумье, потом сказал:

– Вот начинается литургия... Пойдем, ты будешь достойна войти в общество верующих. Мать моя, я скоро вернусь.

Цецилия, хотя и была изумлена, тем не менее взяла предложенную ей руку и последовала за своим проводником. Ей казалось, что этого молодого человека ей нечего бояться и что, наоборот, она может ему довериться. В продолжение некоторого времени они шли в темноте. Вскоре они подошли к ступеням подземной лестницы.

– Будь осторожна! – сказал Олинф молодой девушке. – Там мои братья. Через минуту ты будешь среди них. Не бойся ничего.

Цецилия спустилась. Яркий свет ударил ей в глаза. Она находилась в священной ограде. Это был грот древнего храма муз, открытый христианами, в котором они собирались, чтобы прославлять Бога, слушать назидание епископа и совершать торжественное жертвоприношение.

При свете люстр, повешенных на сводах, Цецилия заметила многочисленную толпу, коленапреклоненную, продолжавшую пение, которое она сейчас слышала. Налево были женщины. Олинф отвел туда Цецилию, а сам стал направо, где молились мужчины. Женщины дали Цецилии поцеловать хлеб, приглашая ее занять место среди них.

В это время епископ обратился к присутствующим со следующими словами;

– Братья мои, мы получили послание от Иоанна, единственного апостола Христа, который еще жив. Он извещает, что через непродолжительное время будет среди нас.

Это известие вызвало приятное волнение среди верующих.

– Братья мои, – воскликнул старец, – возлюбленный ученик в своем послании проповедует нам прежде всего творение милостыни во имя Господа Иисуса Христа и любовь к справедливости. Любите друг друга, имейте единое сердце и душу, и вы исполните закон. Таковы слова, которыми он укрепляет вас в вере в слово жизни. Да, братья, любите людей в нищете и в

страданиях, пусть каждый из вас поддерживает того, кто слаб, утешает огорченных, облегчает бедных, и он будет жить!.. А теперь, – добавил старец, – пускай приблизятся оглашенные.

Четверо лиц, мужчина, женщина и двое молодых людей, появились вскоре в собрании и были приведены к стопам пастыря. Легко было узнать, что эти четверо лиц принадлежали к одному и тому же семейству.

– Флавий Климент, – сказал старец, обращаясь к главе семьи, – одна из наших сестер во Христе, Флавия Домицилла, твоя родственница, известила нас, что ты желаешь получить благословение Божье и принять веру христианскую вместе с женой и обоими сыновьями. Тверд ли ты и тверды ли они в этом решении?

– Да, Анаклет, – ответил Флавий Клемент.

И те, кто был с ним, тоже сказали:

– Мы тверды.

– Флавий, ты занимаешь высокий пост и со своей супругой считаешься самым близким родственником императора. Оба твоих сына – будущие кесари. Всем этим придется пожертвовать ради новой религии. Можете ли вы это исполнить?

– Да! – воскликнули в один голос все четверо.

– А если понадобится, можете вы и жизнью пожертвовать? – продолжал епископ.

– Мы готовы запечатлеть нашу веру своею жизнью, – повторили они, объятые горячим воодушевлением.

Анаклет сделал над ними крестное знамение и возложил на них руки. Он им сообщил, что, прежде чем быть принятыми в число верующих через крещение, они должны основательно изучить все таинства и жить, исполняя в точности все заповеди христианской религии.

Потом, обращаясь к собранию, епископ воскликнул:

– Братья мои! Наступил момент для совершения святой вечери. Преломим хлеб жизни и будем пить чашу спасения!

Все присутствующие сделали земной поклон. Затем после таинства причащения все обменялись поцелуем мира, и настали минуты религиозного умиления. Был слышен только шепот молитв и глубокие вздохи.

Цецилия ничего не понимала, что происходило на ее глазах. Она чувствовала только, что совершалось великое религиозное таинство. Пресвитер предложил и ей хлеб и вино. Она отказалась, потому что считала себя недостойной вкусить этой святой пищи или омочить уста в этой чаше. Удивленный пресвитер спросил ее, принадлежит ли она к числу верующих.

Она ответила, что она дочь Цецилия. В толпе послышался ропот. Никто не знал, как она могла проникнуть в собрание верующих. Пресвитер сообщил об этом епископу. Тот спросил громким голосом, кто решился ввести сюда непосвященную. Олинф подошел и сознался, что это сделал он.

– Эта молодая девушка, – сказал он, – та, которая обходит наши жилища уже давно, чтобы облегчать горести наших братьев и осушать их слезы. Это та девушка, которой моя мать, бедная и престарелая Евтихия, обязана жизнью, и, когда сейчас я встретил ее возле нее, мне показалось, что Сам Бог внушил мне мысль проводить ее. Она уже наша сестра – по своей благотворительности; надеюсь, что она будет такой же и по вере.

– Ты хорошо поступил, Олинф, и я тебе прощаю грех, – сказал епископ. – Эта молодая девушка нам небезызвестна, мы уведомлены о ее благодеяниях, оказанных нашим братьям. Именем Христа мы ее благословляем!

Престарелая женщина подошла тогда к Цецилии.

– Дитя, – сказала она, – ты достойна узнать Бога, которому мы служим. Он живет в тебе, внушая сострадание и любовь к тем, которые страдают. Приходи, я обучу тебя Его закону.

Слова этой старой женщины были полны ласки и нежности, они глубоко тронули сердце Цецилии.

По окончании служения толпа разошлась. Цецилия следовала за бедной женщиной, которая держала ее за руку, пожимая ее с любовью.

Молодая девушка решительно ничего не понимала из того, что вокруг нее происходило и чему она сделалась случайной свидетельницей. Консул, знаменитая матрона, двое молодых кесарей... все это презрение их к земному величию, готовность запечатлеть смертью свою веру наполнили ее душу восторгом и удивлением, которых она не в состоянии была скрыть.

– Займи место рядом со мной, дорогое дитя, – сказала ей старуха, прерывая ее размышления.

Цецилия увидела, что они добрались до другой части грота, где новое зрелище предстало ее глазам.

Во всю длину подземелья, по обеим сторонам, были поставлены два стола с самыми простыми блюдами: кусками хлеба, яйцами, молочными продуктами, мясом и фруктами. Мужчины направились к одному столу, а женщины сели за другой. На кресле, возвышавшемся над другими, поместился епископ. Он сидел за столом мужчин. За другим столом старуха еврейка, сопровождавшая Цецилию, также села на скамью, несколько возвышавшуюся над остальными.

Епископ поднялся, благословил пищу, и тогда началась общая трапеза. Все обращались друг к другу вполголоса и с полной предупредительностью.

– Это наши агапы, или вечери любви, – сказала старуха Цецилии, – мы устраиваем их всегда после совершения святого таинства, чтобы крепче закрепить узы, нас соединяющие, и чтобы нам напомнить, что все между нами должно быть общим.

Молодая девушка заметила, что эта престарелая женщина, говорившая с ней с нежностью матери, была предметом уважения со стороны всех присутствующих. Сам епископ оказывал ей особенное внимание, когда она обращалась к нему. Цецилия также с удивлением увидела, что Флавий Климент и его оба сына прислуживали за столом мужчин, в то время как его жена и другая матрона, внешность которой указывала на ее высокое происхождение, исполняли ту же обязанность у женщин. Она вспомнила сатурналии, где хозяева исполняли обязанности прислуги у своих рабов, и матроналии, где римские матроны поступались своей гордостью в продолжение нескольких дней; но она никогда не слышала, чтобы консулы, их жены и престолонаследники подвергались подобным испытаниям.

Старуха, сидевшая с ней, как будто прочла ее мысли и сказала своей молодой подруге:

– Дорогое дитя, между нами великие мира сего могут подчиняться малым. Бог наш при-
нижает могущественных и ободряет слабых. Вот и я – самая слабая и беднейшая, а мне воз-
дают некоторые почести. Уважают также во мне дочь апостола, которого Христос сделал кра-
еугольным камнем своей церкви. Меня зовут Петрониллой; я – дочь апостола Петра, который
был призван, несмотря на то, что был смиренным рыболовом. Дитя, позже ты поймешь лучше
эти вещи. Запомни мое имя и всякий раз, когда у тебя появится желание поделиться мыслями,
приходи ко мне.

А теперь, – прибавила она, – я передам тебя этой матроне, которая проводит тебя до жилища твоего отца, ибо наступила ночь и нам пора расходиться.

Каково было удивление Цецилии, когда по знаку Петрониллы она увидела себя передан-
ной на руки Флавии Домициллы, родственницы императора!

Она вышла из грота с Флавием Климентом, двумя молодыми кесарями и еще одной матроной.

В ста шагах от подземелья ожидали носилки. Скороходы осветили своими факелами мрак Либитинского леса; рабы толпились вокруг своих господ, чтобы получать от них приказания. Весь внешний вид могущества, весь блеск роскоши! И только минуту тому назад – бедность, унижение, равенство с меньшими братьями!

Более чем когда-либо робкая, молодая девушка находилась как бы во власти чарующего сновидения.

– Войди со мной в эти носилки, – сказала ей матрона, имени которой она не знала.

А так как Цецилия колебалась, не будучи уверена, к ней ли относятся эти слова, матрона прибавила:

– Разве, дитя мое, ты настолько горда, чтобы отказать Флавии Домицилле?

– Разве ты также родственница императора? – спросила живо молодая девушка.

– Да, дорогое дитя, – ответила матрона, улыбаясь, – входи сюда, мы познакомимся.

Цецилия повиновалась, и вскоре это шествие остановилось у дверей дома ее отца. Когда старик увидел ее в сопровождении таких знатных особ и когда Флавий Клемент сказал ему несколько слов, чтобы его успокоить, он низко поклонился, и единственной его мыслью было возблагодарить всех богов, имена которых только пришли ему на память, за эту счастливую встречу. Ему казалось, что судьба его и его дочери навсегда обеспечена.

Цецилия не могла заснуть всю ночь. Все, что ей пришлось видеть и слышать, бродило в ее голове и не позволяло ей успокоиться.

III. Христианское обручение

Цецилия проводила следующие дни возле Петронииллы, святой женщины, которую она вскоре полюбила еще больше и от которой она получила назидания, расточаемые с неисчерпаемой заботливостью. Она видела также Евтихию, которая называла ее своей дочерью, и Олинфа, называвшего ее нежным именем сестры. Она подолгу разговаривала с ними; они же наставляли ее в учении Христа и укрепляли ее в вере. С помощью таких наставников и под влиянием их уроков и примеров молодая девушка должна была вскоре отказаться навсегда от лживых верований, которые она и сама презирала, а теперь с ужасом отвергала. По прошествии нескольких месяцев она была уже вполне подготовлена и с нетерпением ожидала крещения в упоении неведомых для нее дотоле радостей.

– Какое счастье, – восклицала она, – что наконец я познаю истину, которую я призывала всем сердцем и так долго не могла обрести!

Она сделалась любимицей всех этих гонимых бедняков; все ее знали и старались окружить ее горячей любовью. Казалось, они хотели вознаградить дочь за нужду и горе, причиной которых являлся ее отец, ибо Цецилий продолжал предъявлять свои неумолимые требования, поселяя повсюду печаль и разорение. А он не знал еще, что эти бедные евреи завладели его дочерью, и если бы только мог об этом догадываться, то гнев его не знал бы границ. Напрасно дочь умоляла его пощадить тех, чье горе становилось ее горем; с непоколебимой настойчивостью он исполнял свои обязанности, говоря, что казна не должна терпеть ущерба.

Цецилия, скромная молодая девушка, была принята в знаменитую семью Флавиев. Флавия Домицилла, обратившая на нее внимание, когда провожала ее к отцу, упростила Петронииллу верить ее попечению такое милое дитя. Петронилла согласилась на это тем охотнее, что у Флавии Домициллы Цецилия могла усвоить самое совершенное познание жизни христианской и встретить пример высочайшей добродетели.

Гургес, который с некоторого времени преследовал молодую девушку своими ухаживаниями, беспокоился о ее отсутствии и не мог догадаться, чем она занималась, когда уходила из дома отца. Понятно также, почему она не торопилась дать своему отцу обещание, которым этот последний поддерживал надежды Гургеса.

А впрочем, нужно ли было разъяснять? Другая мысль поглощала все более и более чувства, которым молодая девушка могла еще предаваться вне новой веры и обязанностей, налагаемых ею. Она была в большом беспокойстве и глубоко взволнована, так как ей казалось, что чистота ее христианской жизни была запятнана и что это происходило от недостатка веры в обетования, которые она слышала ежедневно от христиан. Одним словом, бедное дитя упрекало себя в любви к Олинфу, с которым она не виделась уже несколько дней, в надежде, что такой род бегства уменьшит ее волнение и возвратит спокойствие. Но, несмотря на его отсутствие, а может быть, даже по причине этого отсутствия живое чувство, которое она старалась подавить, все непрерывно возрастало; оно овладело ее волей и заставило остановить все решения.

Она захотела открыться обоим благодетельницам: Петронилле, сделавшейся для нее матерью, и Флавии Домицилле, которая считала ее сестрой. Один раз она опустилась перед этими двумя святыми женщинами на колени и, обливаясь слезами, чистосердечно открыла перед ними состояние своей души, спрашивая их, достойна ли она еще быть христианкой. Петронилла и Флавия Домицилла, эти две девственницы, столь чистые и столь различные, – одна увенчанная убеленными от старости волосами, другая в блеске юности, – переглянулись с улыбкой между собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.